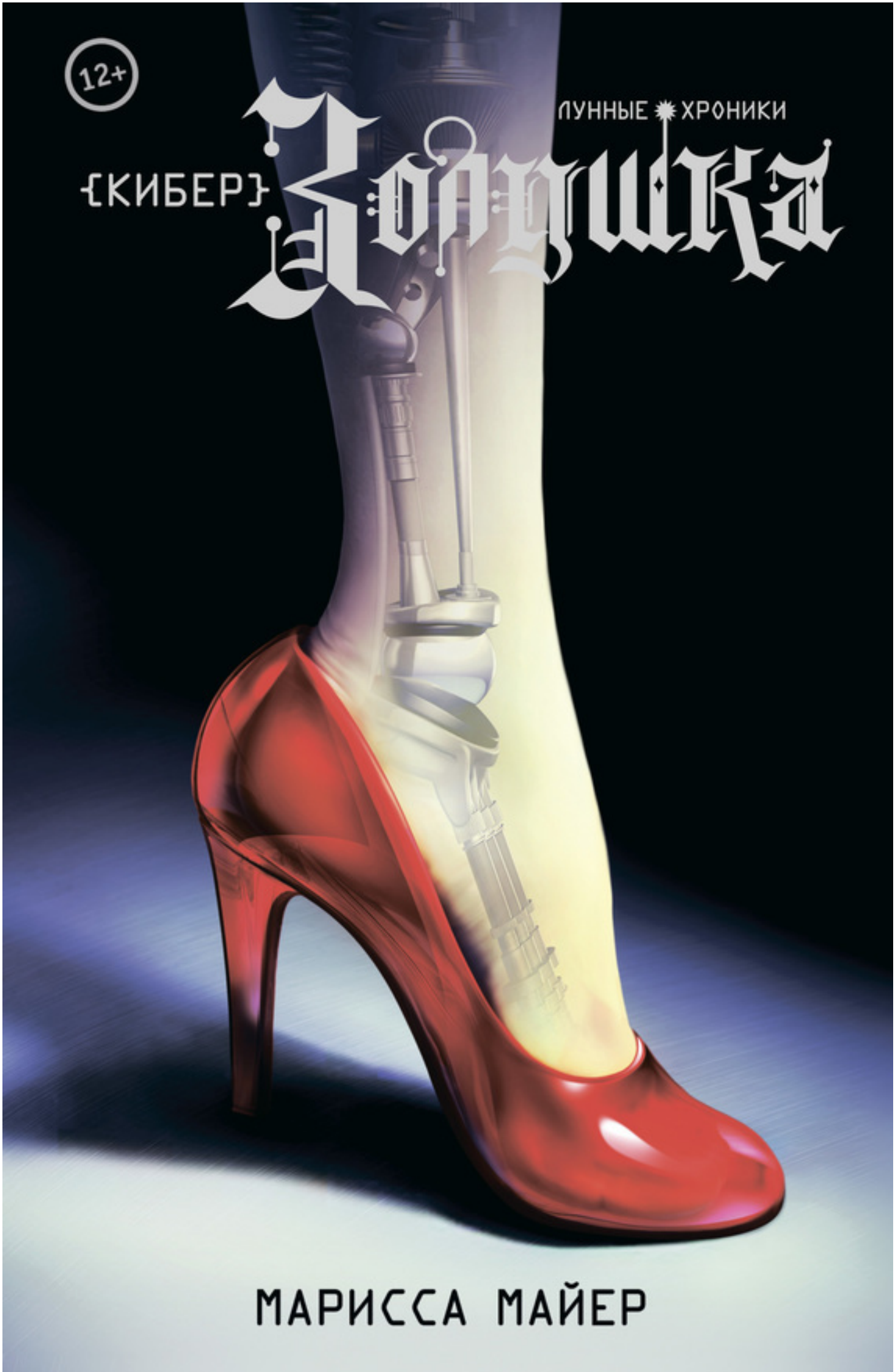
12+

ЛУННЫЕ ХРОНИКИ

{КИБЕР} Золушка



МАРИССА МАЙЕР

Лунные хроники

Марисса Мейер

КиберЗолушка

«АСТ»

2012

Мейер М.

КиберЗолушка / М. Мейер — «АСТ», 2012 — (Лунные хроники)

ISBN 978-5-271-44995-6

Целые дни 16-летняя Зола проводит на рынке, чиня чужие портскрины и андроиды. Она лучший механик Нового Пекина, чья слава достигла королевского дворца. Но немногие знают, что она киборг. Давным-давно, после несчастного случая с хувером, маленькой Золе спасли жизнь, вмонтировав металлический позвоночник, руку, ногу и электронную нервную систему. Теперь, едва узнав об этом, ее сторонятся люди, а мачеха с двумя дочками без конца упрекает за никчемность. Но однажды к ней на рынок приходит прекрасный принц Кай, который просит починить его старенького андроида, и для Золы начинается другая жизнь.Книга также выходила под названием «Лунные хроники. Золушка».

ISBN 978-5-271-44995-6

© Мейер М., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Книга первая 6
Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 22
Глава 5 28
Глава 6 32
Глава 7 37
Глава 8 40
Книга вторая 44
Глава 9 44
Глава 10 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Марисса Майер
КиберЗолушка

Marissa Meyer
Cinder

Впервые опубликовано Feiwel and Friends, подразделением Macmillan Children's Publishing.

Права на перевод переданы Jill Grinberg Literary Management, LLC и Andrew Nurberg Associates International.

© 2012 by Marissa Meyer
© А. Чертова, перевод на русский язык, 2012
© ООО «Издательство Астрель», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Моей бабушке, Самали Джонс, с любовью – большей, чем сможет поместиться на этих страницах

Книга первая

Отобрали они у нее красивые платья, надели на нее старую посконную рубаху и дали ей деревянные башмаки.

Глава 1

Винт в лодыжке Золы заржавел, ржавчиной покрылись крестообразные отметки, выгравированные по кругу. Ее суставы болели от напряжения, когда она с силой вдавливала отвертку в шляпку винта и вращала со скрипом, поворот за поворотом ослабляя крепление. К тому времени, когда винт начал вращаться в отверстии достаточно свободно, чтобы она могла вынуть его без помощи инструментов, стальной рукой-протезом, резьба на винте была сточена напрочь.

Швырнув отвертку на стол, Зола схватилась за пятку и рывком выдернула стопу из гнезда. С кончиков пальцев посыпались искры – и вот уже стопа свободно болталась на красных и желтых проводах, пучком свисающих из лодыжки.

Зола откинулась назад со стоном облегчения. Ощущение освобождения пронизывало ее до кончиков проводов. Четвертый год она носила эту стопу, слишком маленькую для ее тела, и в который раз клялась себе, что больше ни за что не наденет этот кусок металла. Оставалось только надеяться, что Ико со сменой скоро будет.

Зола была единственным механиком на еженедельной ярмарке в Новом Пекине. Над ее палаткой не было вывески, и о роде товаров сообщали только стоящие вдоль стен стеллажи, на которых сгрудились запасные части для андроидов. Палатка была втиснута между павильоном торговца подержанными нетскринами и ларьком торговца шелком. Они часто жаловались на запах металла и смазки, якобы исходящий от Золы, хотя его обычно перебивал аромат медовых булочек из пекарни на той стороне площади. Зола знала: на самом деле им просто неприятно находиться рядом с ней.

От базарной толчеи Зола была отгорожена цветной занавеской. По ту сторону была площадь, заполненная покупателями и разносчиками, детьми и шумом. Слышались крики мужчин, которые пытались торговаться с продавцами-роботами и уболтать компьютерную программу сбавить цену. Доносился гул ID-сканеров и монотонные механические голоса, сообщавшие о перемещениях денег с одного счета на другой. Не смолкала болтовня с экранов, которые сплошь покрывали стены и транслировали рекламу, новости и сплетни.

Слуховой анализатор Золы привычно воспринимал эти звуки как один сплошной поток, но сегодня над общим шумом плыл какой-то мотив.

– Пепел, прах, мы все умрем!

Перед входом в павильон Золы собрались дети – они встали в круг и распевали эту песенку, пока не рухнули прямо на мостовую в припадке истерического смеха.

Губы Золы тронула улыбка. Дело было не в детской неумелой рифме и уж точно не в теме смерти, снова завоевавшей популярность в прошлом десятилетии. Сама песня вызывала чувство брезгливости. Ей нравилось ловить возмущенные взгляды прохожих. Необходимость лавировать, чтобы не наступить на детей, которые все еще корчились от смеха прямо на земле, приводила всех в бешенство – и за это Зола просто обожала детей.

– Сунто! Сунто!

Радость Золы угасла. Она заметила Чан Сачу, булочницу, которая продиралась сквозь толпу в покрытом мукой фартуке.

– Сунто, вернись немедленно! Я тебе что сказала, не играть рядом с этой…

Сача поймала взгляд Золы, сжала губы, схватила своего сына за руку и пошла прочь, таща его за собой. Мальчик возмущенно извивался и дрыгал ногами – мать запретила ему далеко отходить от их ларька. Остальные дети исчезли в толпе – вместе с ними исчез и их чудесный смех.

– Провода – это не заразно, – пробормотала Зола, одна в пустом павильоне.

Она выгнула спину до хруста в позвоночнике и запустила грязные пальцы в волосы, собрав их в не слишком аккуратный хвост. Потом взяла почерневшие рабочие перчатки. Сначала она надела перчатку на свою стальную руку – и, хотя правая ладонь немедленно начала потеть в плотной ткани, Зола чувствовала себя куда уверенней в перчатках, когда никто не видел стальной обшивки ее левой руки. Она широко развела пальцы, разгоняя судорогу – большой палец свело, так сильно она сжимала отвертку – и снова выглянула на городскую площадь. Зола заметила множество коренастых белых андроидов – но Ико среди них не было.

Со вздохом Зола склонилась над рабочим столом. Порывшись в куче винтов и отверток, она нашла то, что искала, – щипцы, которые невесть сколько пролежали под грудой инструментов. Один за другим она отсоединяла провода, которые все еще соединяли со стопой ее лодыжку; когда она их отключала, с каждого проводка срывались крошечные искры. Сквозь перчатки Зола их не чувствовала, но на датчиках, встроенных в сетчатку, мигал красный текст, предупреждая, что прерывается связь с конечностью.

Когда она выдернула последний проводок, стопа со стуком упала на бетонный пол.

Разницу она почувствовала сразу же. Впервые в жизни Зола ощущала себя невесомой.

Она расчистила место на столе и положила стопу туда, как на алтарь, среди ключей и гаек, села на корточки, дотянулась до лодыжки, до оголившегося сустава – и принялась счищать старой тряпкой въевшуюся грязь.

БУМ.

Зола дернулась и ударилась головой о нижнюю поверхность столешницы. Она вылезла из-под стола, и ее мрачный взгляд остановился сначала на безжизненном андроиде, который сидел на ее рабочем столе, и только потом она заметила стоявшего за ним человека. Ее встретил оторопелый взгляд карих глаз – а еще она увидела, что у посетителя черные волосы, заправленные за уши, и губы, мечтам о которых тысячу раз предавалась каждая девчонка в стране.

Злость из ее взгляда улетучилась.

И вид у посетителя был уже не удивленный, а извиняющийся.

– Простите, – сказал он, – я не понял, что тут кто-то есть.

В голове у Золы не осталось мыслей, а сердце забилось чаще, пока зрительные анализаторы обрабатывали информацию о госте, чьи черты давно были ей знакомы – годами она видела его на всех экранах страны. В жизни он казался выше, а его серая рубашка с капюшоном не имела ничего общего с теми нарядами, в которых он обычно появлялся на экране, но встроенному сканеру Золы хватило двух целых шести десятых секунды, чтобы произвести замеры и сличить его образ с изображением, хранившемся в сети. В следующую секунду дисплей сообщил ей то, что она и так уже знала, – теперь эта же информация возникла зеленой бегущей строкой в нижней части поля зрения:

ПРИНЦ КАЙТО, НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ ВОСТОЧНОГО СОДРУЖЕСТВА

ID 0082719057

РОДИЛСЯ 7 АПРЕЛЯ 108 Г. Т.Э.

FF 88, 987 МЕДИА ХИТЫ, ОБРАТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

ИЗДАНО 14 АВГУСТА 126 Г. Т.Э.: 15 АВГУСТА СОСТОИТСЯ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ, В КОТОРОЙ ПРИМЕТ УЧАСТИЕ ПРИНЦ КАЙ И

В ХОДЕ КОТОРОЙ БУДУТ ОБСУЖДАТЬСЯ ТЕКУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕТУМОЗИСА И ВОЗМОЖНЫЕ ВЫХОДЫ ИЗ…

Зола вскочила с места, забыв об отсутствующей конечности, – и чуть не упала. Она вернула себе равновесие, упершись обеими руками в край стола, и неловко поклонилась. Зеленый текст пропал из поля зрения.

– Ваше высочество, – невнятно пробормотала она с опущенной головой, радуясь, что за скатертью не видно ее отсутствующей ступни.

Принц вздрогнул и бросил быстрый взгляд через плечо, прежде чем наклониться к ней.

– Может быть, – он приложил палец к губам, – тсс насчет высочеств?

Зола глядела на него во все глаза. Она заставила себя кивнуть – кивок получился какой-то нервный:

– Да. Конечно. Как мне… как я могу вам…

Она сглотнула. Слова прилипали к языку, как бобовая паста.

– Мне нужен Линь Зола. Он здесь?

Зола решилась оторвать одну руку от стола и натянуть повыше край перчатки. Она уставилась принцу куда-то на подбородок и промямлила:

– Я… я – Линь Зола.

Она проследила взглядом за его рукой – он положил ладонь на голову андроиду.

– Вы Линь Зола?

– Да, ваше высо… – Она прикусила губу.

– Механик?

Она кивнула:

– Чем могу быть полезна?

Вместо ответа принц наклонился, вытянув шею, так что у нее не было иного выхода, кроме как посмотреть ему в глаза. Он улыбнулся ей. Ее сердце подпрыгнуло в груди.

Принц выпрямился, теперь Зола смотрела прямо на него.

– Я представлял вас несколько иначе.

– Да и я вас… в смысле… ммм. – Не в силах выдержать его взгляд, она переключила внимание на андроида и перетянула его на свою сторону стола. – Что с ним, ваше высочество?

Андроид выглядел так, как будто только что сошел с конвейера, но по слишком женственным очертаниям тела Зола могла сразу определить, что это устаревшая модель. Элегантный дизайн – круглая голова на грушевидном обтекаемом теле, глянцевая белая отделка.

– Не могу ее включить, – сказал принц Кай, наблюдая за Золой, изучавшей робота. – Вчера все было нормально, а сегодня не включается.

Зола перевернула андроида, так что теперь его датчик был обращен к принцу. Она радовалась, что может занять руки привычным делом и рот – привычными вопросами. Так, по крайней мере, ей было на чем сконцентрироваться, а значит, от волнения связь мозга с сетью не выйдет из-под контроля.

– С ней раньше были проблемы?

– Нет. Ее каждый месяц проверяют придворные механики, и раньше никаких проблем не возникало. Это впервые.

Наклонившись вперед, принц взял со стола маленькую металлическую стопу Золы и принялся заинтересованно разглядывать ее, поворачивая так и сяк в ладонях. Зола напряглась, увидев, как он заглядывает в суставы пальцев, внутри которых виднелись провода. Длинным рукавом он стер со стопы копоть.

– Вам не жарко? – спросила Зола и тут же пожалела об этом – теперь внимание принца переключилось на нее.

На долю секунды он, казалось, смутился:

– Погибаю от жары. Но я стараюсь сохранить инкогнито.

Зола уже собиралась сказать ему, что это не работает, но передумала. Отсутствие толпы визжащих девчонок вокруг ее павильона говорило о том, что это работает куда лучше, чем ей кажется. Вместо того чтобы выглядеть, как сердцеед голубых кровей, он просто выглядел, как сумасшедший.

Зола прочистила горло и снова сконцентрировалась на андроиде. Отыскала практически невидимый зазор и открыла спинную панель.

– Почему вы обратились ко мне, а не к придворным механикам?

– Я обращался, но они не смогли понять, в чем дело. И кто-то предложил отнести ее к вам. – Он положил стопу на стол и обернулся к стеллажам, заполненным старыми поломанными деталями – деталями андроидов, хуверов и нетскринов. Деталями для киборгов. – Говорят, вы лучший механик в Новом Пекине. Я ожидал увидеть пожилого человека.

– Так говорят? – тихо переспросила она.

Он был не первым, кто удивлялся. Большинство посетителей не могли взять в толк, как это девчонка-подросток может быть лучшим механиком во всем городе, а она никогда не говорила об источнике своего таланта. Чем меньше народу знает, что она киборг, тем лучше. Она была уверена, что просто свихнется, если у всех продавцов она будет вызывать такое же презрение и отвращение, как у Чан Сачи.

Мизинцем она раздвинула провода в спине андроида.

– Иногда они просто выходят из строя от старости. Может быть, пора перейти на новую модель?

– Боюсь, я не могу этого сделать. Она содержит сверхсекретную информацию. Это вопрос национальной безопасности – я должен восстановить ее и изъять… прежде, чем это сделает кто-то еще.

Пальцы Золы замерли. Она подняла глаза на принца.

– Шучу, шучу. Просто Наинси – мой первый андроид. Все дело в сентиментальности.

Сбоку в области обзора вспыхнул маленький оранжевый огонек. Это значило, что она что-то заметила, хотя и не знала, что именно: лишнее движение кадыка, слишком частое моргание, выдвинутый подбородок.

Она привыкла к маленькому оранжевому огоньку.

Он означал, что кто-то лжет.

– Национальная безопасность, – повторила она. – Забавно.

Принц тряхнул головой, словно бросая ей вызов: давай, возрази! Прядь темных волос упала ему на глаза. Зола смотрела в сторону.

– Модель Наставник восемь-шесть. – В тусклом свете она трудом разбирала мелкий шрифт внутри пластмассового черепа. Андроиду было почти двадцать лет. Изрядный возраст. – Сохранилась в первозданном виде. – И Зола с силой ударила андроида в висок, едва успев поймать прежде, чем он свалится и ударится головой об стол. Принц подскочил.

Зола снова усадила андроида на стол и нажала кнопку «Питание». Ничего не произошло.

– Вы удивитесь, если узнаете, как часто это срабатывает.

Принц только сдавленно хихикнул в ответ.

– А вы точно уверены, что вы действительно Зола Линь?.. Механик?

– Зола! Зола, получилось, я ее достала! – Ико вынырнула из толпы и направилась прямо к рабочему столу; ее голубой датчик мигал. Она подняла механическую руку и со стуком швырнула на стол совершенно новую, покрытую сталью стопу. Стопа осталась лежать в тени андроида. – Это невероятное усовершенствование! Никакого сравнения со старой моделью! Была в употреблении совсем недолго, и провода, похоже, совместимы. К тому же мне удалось выторговать ее всего за шестьсот юнивов.

Золу молнией прошила паника. Все еще балансируя на человеческой ноге, она схватила стопу со стола, спрятала за спину и уронила.

– Хорошая работа, Ико. Нгуен-сифу будет рад заполучить такую запчасть для своего эскорт-дроида.

Датчик Ико потускнел:

– Нгуен-сифу? Не понимаю.

Улыбаясь сквозь стиснутые зубы, Зола жестом указала на принца:

– Ико, вырази свое почтение нашему гостю. – Она понизила голос: – Его императорское высочество.

Ико вытянула шею, направляя свой круглый голубой датчик на принца, который возвышался над ней на три фута с лишним. Датчик вспыхнул ярко-голубым, распознав его.

– Принц Кай! – запищала Ико металлическим голосом. – В жизни вы еще красивее!

Принц засмеялся, но у Золы все равно скрутило живот от смущения.

– Довольно, Ико, спасибо. Зайди внутрь.

Ико повиновалась, отвела в сторону штору, вкатилась в павильон и скрылась под столом.

Принц облокотился о дверной косяк у входа.

– Не каждый день встретишь такую личность! – произнес он так, как будто каждый день приносил андроидов на рынок. – Вы сами ее запрограммировали?

– Хотите верьте, хотите нет, но она такая и была. Подозреваю, там какая-то ошибка программы, потому она и досталась моей мачехе по дешевке.

– Нет ошибки программы! – пропищала Ико у нее за спиной.

Зола снова поймала взгляд принца; еще один смешок – и она вновь спряталась за андроидом от его обладателя.

– Так что вы скажете?

– Придется провести диагностику. Это займет несколько дней, возможно, неделю. Заправляя за ухо прядь волос, Зола села, благодарная за возможность дать отдых своей ноге, и принялась изучать на ощупь механические внутренности андроида. Она понимала, что, вероятно, нарушает какое-нибудь правило этикета, но было не похоже, чтобы принц возражал – он склонился над ней, наблюдая за движениями ее рук.

– Вам потребуется оплата вперед?

Принц протянул ей левое запястье со своим ID-чипом, но Зола отрицательно махнула рукой в перчатке:

– Нет, благодарю. Работать с вами будет честью для меня.

Принц, казалось, собирался возразить, но передумал и уронил руку.

– Похоже, нет никаких шансов, что она будет готова до фестиваля?

Зола закрыла сенсорную панель андроида.

– Я не думаю, что возникнут какие-то проблемы. Но пока я не провела диагностику и не знаю, что именно с ней не так…

– Понимаю, понимаю. Просто мысли вслух.

– Как мне связаться с вами, когда она будет готова?

– Пошлите сообщение во дворец. Или, возможно, вы будете здесь в следующие выходные? Я мог бы зайти.

– О да! – сказала Ико откуда-то из глубины павильона. – Мы здесь, не пропускаем ни одного ярмарочного дня! Приходите снова. Это будет так мило.

Зола поежилась от неловкости:

– Вам вовсе не обязательно…

– С удовольствием. – Он склонил голову в знак прощания, одновременно накидывая капюшон и опуская его пониже на лицо. Зола кивнула в ответ, зная, что должна встать и поклониться, но не рискуя вновь подвергать проверке свою способность удерживать равновесие. Она дождалась, пока тень принца исчезнет с рабочего стола, и лишь тогда решилась бросить взгляд на площадь. Присутствие принца в пестрой толпе, казалось, осталось незамечен-

ным. Зола наконец позволила своим мышцам расслабиться. Ико катилась к ней, колотя себя в металлическую грудь:

– Принц Кай! Кто-нибудь, проверьте мой вентилятор, а то я, кажется, сейчас перегреюсь!

Зола наклонилась, подобрала свою новую стопу и обтерла ее о рабочие штаны. Проверила покрытие, радуясь, что не повредила его, когда роняла.

– Представляешь, какое лицо будет у Пионы, когда она об этом услышит? – сказала Ико.

– Представляю, сколько будет визга и на каких высоких нотах, – сказала Зола. Она успела бросить еще один взгляд на толпу, прежде чем на нее накатил первый приступ головокружения. Она не могла дождаться того момента, когда скажет Пионе. Принц собственной персоной! Она коротко рассмеялась. Это было невероятно. Это было…

– О, нет!

Улыбка Золы потухла.

– Что такое?

Ико указывала на лоб Золы механическим пальцем:

– У тебя тут машинное масло!

– Шутишь! – Зола отступила на шаг и отерла лоб.

– Уверена, он ничего не заметил.

– Какая разница? – Зола уронила руку. – Лучше помоги мне надеть это, пока сюда не заглянуло еще какое-нибудь высочество. – И она закинула ногу на ногу, так что механическая лодыжка оказалась на колене, и принялась соединять проводки, ориентируясь по цвету и гадая, заподозрил принц что-нибудь или нет.

– Идеально сидит, да? – спросила Ико, которая держала пригоршню шурупов, пока Зола брала их по одному и вкручивала в отверстия.

– Неплохо, – отозвалась Зола, – только надеюсь, Адри ничего не заметит, а то она убьет меня, если узнает, что я потратила шестьсот юнивов на какую-то стопу.

Зола вкрутила последний винт и вытянула ногу, вращая стопой, двигая ею вверх и вниз, шевеля пальцами ноги. Суставы были еще не разработаны, и нервным окончаниям требовалось несколько дней, чтобы синхронизировать работу с новой частью механизма, но, по крайней мере, она больше не будет ковылять, как чучело.

– Она безупречна, – сказала Зола, надевая ботинок. Она увидела, что Ико щипцами держит ее прежнюю стопу. – Можешь выбросить этот кусок металлолома, он…

Уши Золы наполнил крик. Она передернулась. Звук электроразрядом прошел по ее аудиоинтерфейсу и заставил Золу обернуться к его источнику. Рынок безмолвствовал. Дети, которые как раз играли в прятки среди прилепившихся друг к другу павильонов и ларьков, выглянули из своих убежищ.

Вопль несся из палатки Чан Сачи, булочницы. Озадаченная, Зола взобралась на стул и глянула поверх толпы через площадь. За стеклянной витриной со сладкими булочками и пирожками со свининой Чан Сача таращилась на свои вытянутые руки и отчаянно, не переставая, кричала.

Зола закрыла нос ладонью в тот самый момент, когда понимание волной прокатилось по толпе.

– Чума! – взвизгнул кто-то. – У нее чума!

Улицу наполнила паника. Матери хватали своих детей и зажимали им ладонями носы, отчаянно продираясь сквозь толпу прочь от булочной. Продавцы с грохотом опускали жалюзи дверей.

Сунто завопил и бросился к матери, но она выставила руки ему навстречу – нет, нет, назад! Сосед-продавец подхватил мальчика под мышку и побежал прочь – Сача крикнула что-то им вслед, но слова потонули в реве толпы.

У Золы скрутило живот. Они не могут бежать – или Ико просто растопчут в этой неразберихе. Стараясь дышать ровно, она дотянулась до шнура в углу павильона и потянула – металлическая дверь поехала вниз. Они оказались в темноте, не считая полоски света, пробивавшейся из-под двери. От бетонного пола поднимался жар. В тесном павильоне становилось труднее дышать.

– Зола? – позвала Ико, в ее искусственном голосе слышалась тревога. Она сделала свой датчик ярче, залив павильон голубоватым светом.

– Не беспокойся, – откликнулась Зола, спрыгивая со стула и стаскивая со стола тряпку, заляпанную маслом. Крики теперь доносились издалека – казалось, павильон превратился в отдельный замкнутый мирок. – Она повсюду на площади.

А здесь мы в безопасности. – Но сама Зола все равно скользнула к дальней стене, сплошь увешанной стеллажами, сжалась в комочек и закрыла тряпкой рот и нос.

Так они и ждали – Зола старалась дышать настолько неглубоко, насколько могла, до тех пор пока они не услышали сирены хувера чрезвычайного реагирования, который явился за Сачей и увез ее прочь.

Глава 2

Сирены еще не успели смолкнуть в отдалении, когда рыночную площадь вновь наполнили гул и рев двигателя. Тишину раскололи звуки шагов по мостовой, затем резкие выкрики – кто-то отдавал команды. И кто-то гортанным голосом отвечал.

Зола перекинула сумку – с такими еще ходят почтальоны – через плечо и поползла по пыльному бетонному полу павильона, под скатертью, свисающей с ее рабочего стола. Просунула пальцы в просвет между полом и дверными жалюзи и медленно приоткрыла. Прижавшись щекой к теплому, засыпанному песком полу, она смогла разглядеть три пары желтых ботинок на площади. Бригада чрезвычайного реагирования. Она приоткрыла дверь еще чуть-чуть и стала наблюдать, как мужчины – все они были в противогазах – заходят в булочную и поливают стены и пол какой-то жидкостью из желтой канистры. Хотя они были на другом краю площади, Зола сморщила нос от вони.

– Что происходит? – спросила Ико сзади.

– Они собираются сжечь палатку Чан-цзе. – Зола быстро оглядела площадь. За углом припарковался новый белый фургон. Кроме троих мужчин, на площади никого не было. Перекатившись на спину, Зола уставилась в голубой датчик Ико, все еще мерцающий в темноте. – Мы сбежим, когда они подожгут булочную, тогда им будет не до нас.

– Мы в беде?

– Нет. Просто мне сегодня не до поездок в карантин.

Один из мужчин отдал приказ, ноги в желтых ботинках пришли в движение. Зола повернула голову и снова бросила взгляд наискосок через площадь. Палатку подожгли. Запах бензина смешался с запахом горелого теста. Мужчины стояли перед горящим ларьком, их одетые в форму силуэты четко вырисовывались на фоне быстро растущих языков пламени.

Зола вскочила, обхватила андроида принца за шею и положила рядом с собой. Взяв его под мышку, она приоткрыла дверь настолько, чтобы под ней можно было проползти, не спуская глаз с мужчин у горящей палатки. Ико не отставала – она уже была у дверей соседнего магазина, когда Зола опускала жалюзи. Они помчались мимо ларьков и палаток – двери большинства из них так и остались широко открытыми во время массового бегства – и свернули в первый же узкий проход между магазинами. Небо над ними затянул черный дым. Через несколько секунд где-то высоко прожужжала стайка хуверов – репортеры спешили на рыночную площадь.

Зола замедлила бег, когда они оказались на изрядном расстоянии от рынка и уже выбирались из лабиринта улочек. Солнце совершило полный круг и сейчас опускалось за небоскребы на западе. Воздух сочился августовским зноем, лишь иногда случайный теплый ветерок закручивал вихрем мусор у сточных канав. В четырех кварталах от рынка улицы снова стали подавать признаки жизни – по тротуарам шли пешеходы и шептались о вспышке чумы в центре города. Экраны, встроенные в стены зданий, в прямом эфире показывали языки пламени и дым в центре Нового Пекина, а заголовки сеяли панику – в списках зараженных одно имя следовало за другим, хотя, насколько Золе было известно, чуму обнаружили только у одного человека.

– Все те липкие булочки, – сказала Ико, когда они проходили мимо крупного снимка обгоревшей булочной.

Зола прикусила внутреннюю сторону щеки. Ни она, ни Ико ни разу так и не попробовали знаменитых булочек рыночной пекарни. У Ико не было вкусовых рецепторов. И Чан Сача не обслуживала киборгов.

Огромные здания офисов и торговых центров постепенно разбавляли жилые дома, построенные так близко друг к другу, что они казались бесконечной стеной из стекла и бетона. Когда-то квартиры в этой части города привлекали горожан своей огромной площадью, но с

тех пор их не раз делили и перепланировывали, и теперь здания внутри превратились в лабиринт коридоров и лестниц.

Но теснота и уродство мигом забылись, когда Зола свернула на свою родную улицу. Заветные полшага на углу, откуда можно было бросить взгляд на Дворец Нового Пекина – он безмятежно раскинулся на вершине утеса, который возвышался над городом. Покатые золоченые крыши дворца сверкали оранжевым в лучах закатного солнца, а окна отражали свет в сторону города. Изукрашенные коньки крыш, ярусы павильонов, казалось, повисшие в опасной близости от обрыва, округлые святилища, устремившие крыши к небесам… Зола постояла на углу чуть дольше, чем обычно, глядя на все это и думая о том, кто жил за этими стенами, кто, возможно, был там в эту самую секунду.

Не то чтобы раньше, глядя на дворец, она не знала, что там живет принц – но сегодня она ощущала какую-то связь, которую никогда не чувствовала прежде, и оттого испытывала непонятный восторг с капелькой самодовольства. Она встретила принца. Он пришел в ее павильон. Он знал, как ее зовут.

Зола сделала вдох, набрав в легкие побольше влажного воздуха, и заставила себя отвернуться, ощущая себя ребенком. Она уже готова была начать вести себя, как Пиона.

Она перехватила андроида другой рукой, когда они с Ико оказались в тени Башни Феникса – ярусы верхних этажей нависали над улицей. Зола приложила освободившееся запястье с чипом к сканеру удостоверения личности и услышала глухой звук открывающегося замка.

Ико с грохотом спускалась вниз по лестнице, используя для этого свои раздвижные руки. Они шли в подвал – там был целый лабиринт хранилищ, огороженных проволочной сеткой. Им навстречу поднялась волна заплесневелого воздуха, и Ико включила голубой датчик, разгоняя тени от редких галогеновых ламп. Они шли хорошо знакомым путем от лестничной клетки к хранилищу 18–20 – тесной, всегда холодной клетке, которую Адри позволила Золе использовать для работы.

Зола расчистила для андроида место среди беспорядка на рабочем столе и поставила свою почтальонскую сумку на пол. Прежде чем запереть чулан, сменила тяжелые рабочие перчатки на менее безобразные хлопковые.

– Если Адри спросит, – сказала она по дороге к лифтам, – наш павильон очень, очень далеко от булочной.

Ико мигнула синим:

– Принято к сведению.

В лифте они были одни. Только когда они вышли на восемнадцатом этаже, здание превратилось в кишащий улей – дети носились друг за другом по коридорам, бездомные и домашние кошки куда-то пробирались вдоль стен, из-за дверей доносился неумолчный гул голосов, звучащих с экранов. Уворачиваясь от детей, по пути к своей квартире Зола настроила интерфейс мозга на восприятие белого шума.

Дверь была широко открыта – Зола помедлила, глянув на номер на двери, прежде чем войти.

Она услышала жесткий голос Адри, несущийся из гостиной:

– Пионе сделайте вырез поглубже. Она похожа на старуху.

Зола заглянула за угол. Адри стояла, опираясь одной рукой о голографическую доску, изображавшую камин, в банном халате с вышитыми хризантемами – он как раз гармонировал с репродукциями за ее спиной, которые там висели, чтобы придать комнате вид под старину. С лицом, напудренным так, что оно, казалось, светится в темноте, и чудовищно ярко накрашенными губами Адри и сама походила на репродукцию. На ней было столько косметики, как будто она собиралась куда-то пойти – но Зола знала, что Адри практически не выходит из дома.

Если она и заметила Золу, то проигнорировала ее появление.

Экран над холодными языками пламени транслировал репортаж с рыночной площади – от булочной остался только каркас духовой печи в куче щебня.

В центре комнаты стояли Перл и Пиона, обмотанные шелком и тюлем. Пиона приподняла свои темные кудри, пока женщина, которую Зола не узнала, возилась с линией выреза ее платья. Пиона увидела Золу через плечо женщины – глаза у нее засверкали, лицо вспыхнуло, она жестом указала на платье – было видно, что она с трудом удерживается, чтобы не взвизгнуть от возбуждения.

Зола отступила назад и улыбнулась. В этом платье – серебряном, с лавандовым отливом, лучше всего заметном в свете пламени, – ее младшая сводная сестра напоминала ангела.

– Перл. – Адри покрутила пальцем, и старшая дочь повернулась на месте, демонстрируя ряд жемчужных пуговиц, сбегающих вдоль спины. Ее платье было под стать платью Пионы – узкий лиф, юбка в оборках – только оно было цвета золотой космической пыли. – Давайте еще немного ушьем в талии.

Незнакомка, колдовавшая с иголкой и ниткой над вырезом Пионы, уставилась на Золу в дверном проеме, но тут же отвернулась. Отступив назад, женщина вытащила изо рта пригоршню острых булавок и склонила голову набок:

– Лиф уже и так очень узкий, – сказала она. – Мы же хотим, чтобы девочка смогла танцевать, не правда ли?

– Мы хотим, чтобы девочка нашла жениха, – сказала Адри.

– Нет, нет. – Швея захихикала, закалывая ткань вокруг талии Перл. Зола могла поклясться, что та изо всех сил втягивает живот; она так старалась, что под тканью платья стал виден край ребер. – Она слишком молода для брака.

– Мне семнадцать, – сказала Перл, окидывая взглядом женщину.

– Семнадцать! Вот видите! Совсем дитя. Самое время пожить в свое удовольствие, так ведь, девочка?

– Она мне слишком дорого обходится для удовольствий, – отозвалась Адри. – И я возлагаю надежды на этот наряд.

– О, не беспокойтесь, не беспокойтесь, Линь-цзе, в этом платье она будет прекрасна, как утренняя роса. – И, снова зажав булавки во рту, женщина вернулась к вырезу Пионы.

Адри вздернула подбородок и в конце концов признала присутствие Золы в комнате, опустив глаза на ее грязные ботинки и рабочие штаны.

– Ты почему не на рынке?

– Сегодня он рано закрылся, – сказала Зола, бросив на экран исполненный значения взгляд, которого Адри не заметила. Изображая беззаботность, она указала большим пальцем куда-то в сторону зала: – Так что я приведу себя в порядок и буду готова к примерке.

– Еще одно платье, Линь-цзе? Я не взяла с собой ткань для… – Швея запнулась.

– Ты уже сменила магбелт хувера?

Улыбка Золы угасла:

– Нет. Еще нет.

– Что ж, ни одна из нас не отправится на бал раньше, чем хувер будет исправен, не так ли?

Зола подавила раздражение. Они уже дважды говорили об этом на прошлой неделе.

– На магбелт нужны деньги. Восемьсот юнивов как минимум. Если бы доходы от рынка не поступали прямиком на ваш счет, я могла бы уже купить новый.

– И я должна верить, что ты не истратишь их на свои бестолковые игрушки?

Говоря «игрушки», Адри посмотрела на Ико – у нее даже губы искривились, хотя формально Ико принадлежала ей.

– Кроме того, я не могу себе позволить сразу и магбелт и платье, которое ты наденешь всего один раз. Тебе придется самой найти новый магбелт – ну, или платье, в котором ты пойдешь на бал.

Раздражение усилилось. Она могла бы указать Адри, что можно было купить для Пионы и Перл готовые платья вместо того, чтобы шить на заказ, и сэкономить, чтобы остались деньги и на платье для Золы. Она могла бы добавить, что они тоже наденут эти платья лишь однажды. В конце концов, она могла бы сказать, что это она зарабатывает деньги и ей решать, как их лучше потратить. Но во всех этих аргументах не было никакого смысла. По закону Зола принадлежала Адри, как какой-нибудь андроид-домработница, а значит, принадлежали Адри и ее деньги, и ничтожная горстка личного имущества, и даже эта новая стопа, которую она только что купила – и Адри любила ей об этом напоминать.

Так что Зола подавила раздражение прежде, чем Адри заметила признаки крамольных мыслей.

– Может быть, мне удастся на что-нибудь выменять магбелт. Я разузнаю в магазинах.

Адри фыркнула:

– Почему бы нам не продать этого бесполезного андроида?

Ико спряталась за лодыжками Золы.

– За нее никто много не предложит, – сказала Зола. – Никому не нужна такая старая модель.

– Естественно. Естественно, кому она нужна? Может быть, мне придется вас обеих продать… на запчасти. – Адри вернулась к незаконченной кромке рукава Перл. – Мне абсолютно безразлично, как именно ты починишь хувер, просто сделай это до того, как начнется бал, – и подешевле. Мне не нужна груда металлолома, которая занимает драгоценное место на парковке.

Зола засунула руки в карманы.

– Значит, вы говорите, что если я починю хувер и найду платье, я действительно могу поехать на бал в этом году?

От уголков рта Адри пролегли едва заметные складки.

– Будет настоящим чудом, если тебе удастся найти что-то, что скрыло бы твои… ммм… особенности. Но если ты починишь хувер, что ж, думаю, можешь ехать на бал.

Пиона одарила Золу потрясенной, ошарашенной полуулыбкой, а ее старшая сестра обернулась к матери, вытаращив глаза:

– Ты серьезно? Чтобы она? Поехала с нами?

Зола уже уходила, стараясь скрыть свое разочарование от Пионы. Перл не из-за чего было приходить в такую ярость. Зола заметила оранжевый огонек – Адри вовсе не собиралась сдерживать свое обещание.

– Что ж, – сказала она, стараясь выглядеть обрадованной, – тогда мне лучше пойти поискать замену для магбелта.

Адри махнула в сторону Золы рукой – иди, иди! – все ее внимание было снова поглощено платьем Перл. Никто с Золой даже не попрощался.

Зола бросила еще один взгляд на потрясающие платья своих сводных сестер, прежде чем, пятясь, окончательно покинуть комнату. Она едва успела развернуться лицом к коридору, когда Пиона воскликнула:

– Принц Кай!

Замерев на месте, Зола обернулась и посмотрела на экран. Сообщения о чуме сменились прямой трансляцией из зала пресс-конференций во дворце. Принц Кай обращался к толпе журналистов – среди них были и люди, и андроиды.

– Прибавьте звук, – сказала Перл, отталкивая швею.

– …исследования по-прежнему остаются для нас одной из приоритетных задач, – говорил принц Кай, сжав края кафедры. – Команда исследователей полна решимости найти вакцину от болезни, которая уже унесла жизнь одного из моих родителей и грозит унести жизнь второго, точно так же как и жизни десятков тысяч наших граждан. Ситуация стала еще более угрожа-

ющей после того, как сегодня произошла вспышка заболевания в черте города. Мы более не можем утверждать, что это болезнь бедняков, удел жителей сельской местности нашей страны. Летумозис угрожает всем нам, и мы отыщем способ остановить ее. Только тогда мы сможем начать перестраивать экономику с тем, чтобы вернуть Восточному Содружеству положение процветающего государства.

Толпа встретила речь принца вялыми хлопками. Исследования чумы велись еще с тех пор, как случилась первая вспышка в маленьком городке Африканского Союза десять с лишним лет тому назад. Похоже, с тех пор ученые не добились особого успеха. Тем временем болезнь одно за другим поражала сотни, казалось бы, никак не связанных друг с другом сообществ по всему миру. Сотни тысяч людей заболевали, мучились, умирали. Даже муж Адри столкнулся с этой болезнью во время путешествия по Европе – того самого путешествия, в котором он согласился стать опекуном одиннадцатилетней девочки-киборга, оставшейся сиротой. Одно из немногих воспоминаний, сохранившихся о нем у Золы, – как его увозят в карантин, а Адри кричит, что он не смеет оставлять ее с «этой штукой».

Адри никогда не говорила о своем муже, и мало что в доме напоминало о нем. Единственным свидетельством того, что он когда-то существовал на этом свете, были голографические почетные значки и резные медальоны – они выстроились в ряд на каминной полке. Это были награды за научные достижения и почетные призы с международной технологической выставки – их ему присуждали три года подряд. Зола понятия не имела, что он изобрел. Но что бы это ни было, очевидно, это не продавалось или продавалось плохо – после его смерти семья осталась практически без денег.

На экране выступление принца прервалось – на возвышение, на котором стояла кафедра, поднялся незнакомец и протянул записку принцу Каю. Глаза принца затуманились. Экран потемнел.

Зал для пресс-конференций сменился столом перед голубым экраном. За столом сидела женщина; ее лицо ничего не выражало, и только побелевшие костяшки пальцев на столе выдавали ее эмоции.

– Мы прерываем трансляцию пресс-конференции Его Императорского Высочества, чтобы сообщить последние новости о состоянии здоровья Его Императорского Величества Рикана. Врачи императора только что сообщили нам, что летумозис Его Величества вошел в третью стадию.

Охнув, швея вынула булавки изо рта.

Зола прижалась к дверному косяку. Ей-то и в голову не пришло выразить принцу свои соболезнования или пожелать императору выздоровления. Наверняка он теперь считает ее бесчувственной. Невоспитанной.

– Нам также сообщили, что делается все возможное, чтобы облегчить страдания Его Императорского Величества. Кроме того, во дворце нас официально заверили, что исследователи ни на минуту не прекращают работу по созданию вакцины. Для тестирования антидота срочно требуются добровольцы, несмотря на то, что продолжается набор киборгов. Из-за болезни императора было много споров по поводу Сто Двадцать Шестого Ежегодного Дворцового Фестиваля, но принц Кайто сообщил прессе, что Фестиваль состоится, как было запланировано ранее, и выразил надежду, что это принесет нам немного радости в это трудное время. – Дикторша запнулась и сделала паузу, несмотря на то, что перед ней был суфлер. Ее лицо смягчилось, а голос дрожал, когда она закончила свою речь: – Многая лета императору!

Швея пробормотала «Многая лета», словно отвечая дикторше. Экран снова потемнел перед тем, как на нем снова возник зал для пресс-конференций, но принц уже покинул сцену, а в толпе журналистов царила неразбериха – каждый надиктовывал последние новости на свою камеру.

– Я знаю киборга, который как раз годится в волонтеры для теста, – сказала Перл, – к чему ждать какого-то там набора?

Зола опустила взгляд на Перл, которая была почти на шесть дюймов ниже ее, даром что на год старше.

– Хорошая идея, – сказала она. – А ты тогда сможешь найти работу, чтобы расплатиться за свое чудесное платье.

Перл зарычала:

– Семьям волонтеров платят пособие, ты, клубок проводов вместо мозга!

Королевская исследовательская группа начала набор киборгов примерно год назад. Каждый день в лотерее персональных номеров всех киборгов, которых в Восточном Содружестве жили тысячи и тысячи, выпадал новый ID. Их привозили из самых отдаленных уголков страны, вплоть до Мумбаи и Сингапура, и использовали как морских свинок, чтобы тестировать антидот. Это преподносилось как дело чести – пожертвовать своей жизнью ради блага человечества, но на самом деле это было всего лишь напоминанием: киборги не такие, как все. Многим из них щедрая рука ученых подарила второй шанс на жизнь – а после само их право на существование стало принадлежать тем, кто их создал. Киборги должны быть счастливы, что уже прожили столько, сколько прожили – многие считали именно так. Так что справедливо, что они первыми должны отдать жизнь в поисках исцеления для всех.

– Мы не можем отдать нашу Золу. – Пиона вцепилась пальцами в юбку. – Она еще должна починить мой портскрин.

Перл фыркнула и отвернулась от них. Пиона сморщила нос за спиной у сестры.

– Прекратите препираться, – сказала Адри. – Пиона, ты мнешь юбку.

Швея вернулась к работе, а Зола отступила назад, в коридор. Ико уже опережала ее на два шага – ей не терпелось убраться подальше от Адри.

Зола оценила попытку Пионы ее защитить, но в конечном итоге Зола знала, это не имеет никакого значения. Адри никогда не отдаст ее в волонтеры – это будет автоматически означать потерю единственного источника дохода, а Зола была уверена, что ее мачеха сама и дня в жизни не проработала.

Но если выбор падет на нее, никто ничего не сможет с этим поделать. А в последнее время начинало казаться, что среди тех, чьи номера якобы случайно выпадают в лотерее, подозрительно много жителей Нового Пекина и окрестностей.

Каждый раз, когда жертвой лотереи становились девочки-подростки, Золе казалось, что у нее самой в голове тикают часы.

Глава 3

– Ты едешь на бал. – Ико хлопнула металлическими ручками-захватами, изображая аплодисменты. – Нам нужно найти тебе платье и туфли. Я тебя не отпущу в этих кошмарных ботинках. И еще нужны новые перчатки и…

– Можешь посветить сюда? – сказала Зола, выдвигая верхний ящик шкафа с инструментами. Она рылась в ящике – было слышно, как лязгают сваленные там болты и гайки – когда Ико подкатилась ближе. Полумрак кладовки залил голубоватый свет.

– Подумай только, какая там будет еда! – не унималась Ико. – А платья! А музыка!

Зола не обращала на нее внимания, выбирая из огромного множества инструментов нужные и прикрепляя их к намагниченному торсу Ико.

– Ох, звезды небесные! Подумай о принце! Ты сможешь танцевать с принцем Каем!

Это заставило Золу прерваться и заглянуть в голубой свет датчика Ико.

– С какой стати принцу Каю танцевать со мной?

Вентилятор Ико жужжал, пока она обдумывала ответ.

– С такой, что в следующий раз у тебя не будет машинного масла на лбу.

Зола подавила смешок. Иногда для андроидов все так просто.

– Мне очень жаль тебя разочаровывать, Ико, – сказала Зола, с грохотом задвигая один ящик и выдвигая другой, – но я не еду на бал.

Вентилятор Ико замер на мгновение – и тут же заработал снова.

– Не понимаю.

– Для начала, я только что истратила все свои сбережения на новую стопу. И даже будь у меня деньги, стала бы я тратить их на платья и ботинки? Глупости!

– А на что еще тебе их тратить?

– На новый комплект шурупов? На шкаф с нормальными выдвижными ящиками? – Для убедительности она толкнула второй ящик плечом. – На первый взнос за свою собственную квартиру, где я не буду больше ходить в служанках у Адри?..

– Адри никогда не подпишет вольную.

Зола выдвинула третий ящик.

– Знаю. Да, это выйдет куда дороже, чем какое-то дурацкое платье, но, – она схватила отвертку и целую горсть шурупов, – может быть, мне удастся сделать пересадку кожи.

– У тебя чудесная кожа.

Зола искоса глянула на Ико.

– Ох. Ты имеешь в виду, для тех частей, где ты киборг.

Задвинув третий ящик, Зола стащила свою сумку с рабочего стола и смела в нее инструменты.

– Как ты думаешь, что еще нам может… ох, точно, домкрат. Куда же мне его положить?

– Ты неблагоразумна, – сказала Ико. – Может быть, удастся обменять что-нибудь на платье. Или купить подержанное. Да я сама до смерти хочу в тот магазин винтажной одежды на улице Сакура, знаешь его?..

Зола прошлась вокруг кучи случайных инструментов, скопившихся под столом:

– Неважно. Я не еду.

– Нет, важно! Это же бал! И принц!

– Ико, я просто чиню его андроида! И это совсем не значит, что мы теперь друзья! – Упоминание об андроиде заставило ее о чем-то вспомнить, и мгновение спустя она уже вытянула из-под него домкрат. – И это тем более неважно, потому что Адри в жизни не позволит мне пойти.

– Но она сказала, если ты починишь хувер…

– Верно. И что будет, когда я починю хувер? Как насчет портскрина Пионы, который вечно барахлит? Или, – она оглядела комнату и заметила ржавого андроида в углу, – старого Садовника семь-три?

– Да что Адри делать с этой древней штукой?

У нее больше нет сада. У нее даже балкона нет.

– Я просто хочу сказать, что на самом деле она вовсе не собирается пускать меня на бал. Пока в этом доме есть что чинить, я никогда не покончу со своими «обязанностями».

Зола кинула в сумку двойную опору для домкрата, говоря себе, что это неважно. Не так уж важно. Да и в любом случае, она не годится для официального бала. Даже отыщи она платье, перчатки и туфли, которые скроют все ее уродства, на ее мышиных волосах не будет держаться завивка, и она ничего не смыслит в макияже. Все, что из этого могло бы выйти, – она будет сидеть, пока все танцуют, и потешаться над девчонками, которые из кожи вон лезут, чтобы привлечь внимание принца Кая. И делать вид, что она им не завидует. Делать вид, что ей вообще все равно.

Но еда, конечно, вызывала любопытство.

А принц Кай – они ведь теперь знакомы. В каком-то смысле. Он был так добр с ней на рынке. Может, он пригласит ее на танец. Просто из вежливости. Из благородства, когда увидит, как она стоит одна.

Хрупкая фантазия исчезла так же быстро, как и появилась. Это невозможно. Не стоит даже думать об этом.

Она киборг, и она никогда не попадет на бал.

– Думаю, это все. – Она постаралась скрыть разочарование, притворившись, что поглощена тем, как бы поудобнее перекинуть сумку через плечо. – Готова?

– Не понимаю, – сказала Ико. – Если Адри не собирается тебя пускать на бал, даже если ты починишь хувер, зачем тогда мы идем на свалку? Если ей так нужен этот магбелт, почему бы ей самой не покопаться в мусоре и не поискать?

– Затем, – ответила Зола, – что бал или не бал, а вот во что я верю, так это в то, что она продаст тебя на запчасти за гроши, дай ей только повод. И потом, когда они уедут на бал, мы останемся дома одни. Ну как, звучит?

– По мне, звучит просто великолепно!

Зола обернулась и увидела, как в дверь врывается Пиона – все еще в своем серебристом платье, но сейчас швы по краям рукавов и выреза были уже закончены. Швея добавила ленточку кружев в ложбинку между грудей – привлекая внимание к тому факту, что в свои четырнадцать Пиона уже вполне развитая девочка и обладает определенными выпуклостями, о чем Зола уже даже не мечтала. Если когда-то тело Золы и было предназначено для женственности, любые ее зачатки были уничтожены тем, что сделали с ней хирурги. Теперь ее тело было плоским как доска. Слишком угловатым. Слишком мальчишеским.

И слишком неуклюжим с этой искусственной стопой.

– Я готова придушить маму! Я с ней просто свихнусь. «Перл нужно выдать замуж», «Дочери – такие огромные расходы», «Никто не ценит моих усилий», бла-бла-бла. – Она покрутила пальцами в воздухе, изображая мать.

– А ты-то что здесь делаешь?

– Прячусь! Да, кстати, можешь посмотреть, что там с моим портскрином? – Она вынула экран из-за спины и протянула его Золе.

Зола взяла его, но смотрела вовсе не на экран, а на серебристый подол, который мёл краем грязный пол, собирая пыль.

– Ты испортишь платье. Тогда Адри тебя точно растерзает.

Пиона высунула язык, но потом подобрала платье обеими руками, так что оно задралось, обнажив ее ноги до самых коленок.

– Так что ты думаешь? – спросила она, встав на цыпочки – она была босиком – и удерживая равновесие в таком положении.

– Забавно смотришься.

Довольная собой, Пиона принялась кокетливо вертеться перед Золой, еще сильнее сминая подол платья. Но потом ее воодушевление улетучилось.

– Она должна была заказать платье и для тебя. Так не честно.

– На самом деле, я все равно не хочу идти. – Зола пожала плечами. В голосе Пионы слышалось такое искреннее сочувствие, что у нее не было сил возражать. Обычно ей удавалось не обращать внимания на собственную зависть к сводным сестрам – тому, как Адри на самом деле любила их до безумия, какой нежной была кожа их рук, особенно если учесть, что Пиона была ее единственным другом среди людей. Но когда она видела Пиону в этом платье, ее просто передергивало от зависти, и ничего поделать с этим она не могла.

Зола переменила тему:

– Что там не так с портом?

– Опять та же ерунда, – сказала Пиона. Она спихнула какие-то инструменты с пустых банок из-под краски и выбрала самое чистое место, прежде чем сесть. Ее пышные юбки волнами улеглись вокруг нее. Она принялась болтать ногами, так что голые пятки били о пластмассовую стенку ведра.

– Ты опять скачивала эти дурацкие приложения со звездами?

– Нет.

Зола подняла бровь.

– Только одну языковую программу. И все.

И она мне нужна для школы. Ох, пока не забыла, Ико, это тебе.

Ико подкатилась к Пионе. Та достала из-за корсажа бархатную ленточку – обрезок, который оставила швея. Стоило Ико увидеть его – и в комнате прибавилось света.

– Спасибо тебе, – сказал андроид, когда Пиона повязала ленточку на тонкий сустав запястья Ико. – Она такая красивая.

Зола положила экран на рабочий стол рядом с андроидом принца.

– Я посмотрю его завтра. А сейчас мы идем искать магбелт для Ее Величества.

– Да? И куда же вы идете?

– На свалку.

– Будет весело, – сказала Ико, снова и снова сканируя датчиком свой бархатный браслет.

– Правда? – спросила Пиона. – А мне с вами можно?

Зола засмеялась:

– Она пошутила. Ико упражняется в сарказме.

– Все равно. Что угодно лучше, чем возвращаться в эту тухлую квартиру.

Пиона обмахивалась от жары. Она рассеянно облокотилась о металлический стеллаж.

Зола кинулась к ней и отдернула прочь от стены.

– Осторожно! Твое платье.

Пиона оглядела юбку, потом покрытые въевшейся грязью полки и отмахнулась от Золы:

– Так что? Я могу пойти с вами? Свалка! Звучит здорово.

– Звучит так, как будто там грязно и воняет, – сказала Ико.

– Ты-то откуда знаешь, – возразила Зола, – у тебя же нет обонятельных рецепторов.

– Зато у меня живое воображение.

Усмехаясь, Зола уже наполовину вытолкала сестру за дверь:

– Иди переодевайся. Только быстро. Мне есть что тебе рассказать.

Глава 4

Пиона хлопнула Золу по плечу с такой силой, что та чуть не налетела на груду старых сточенных гусениц – на таких раньше передвигались андроиды.

– И ты до сих пор молчала? Как ты могла! Ты же была дома… стоп… четыре… нет, четыре часа!

– Я знаю, знаю, извини, – сказала Зола, потирая плечо. – Не было подходящего момента, и я не хотела, чтобы узнала Адри. Не хочу, чтобы она извлекала из этого выгоду.

– Да кому какое дело, что там подумает мама?

Я хочу извлечь из этого выгоду! Звезды небесные, принц! В твоем павильоне. Поверить не могу, что я все пропустила. Ну почему меня там не было?

– Ты как раз была занята примеркой шелков и парчи!

– Ух. – Пиона пнула сломанный налобный фонарь прочь с дороги. – Ты должна была послать мне сообщение. Я бы там была через две секунды, прямо в незаконченном платье и всем таком. Ух. Ненавижу тебя. Это официальное заявление: ненавижу тебя. И ты собираешься снова с ним встретиться? Я имею в виду, тебе же так и так придется, да? И знаешь что, может быть, я могла бы перестать тебя ненавидеть, если ты пообещаешь в следующий раз взять меня с собой, ну что, идет, по рукам?

– Нашла! Один есть! – крикнула Ико. Она шла на десять ярдов впереди. Луч ее прожектора выхватил из окружавшего их хаоса корпус старого хувера. В голубом свете позади него виднелись неясные груды металла.

– Ну и? Какой он? – спросила Пиона, ни на шаг не отставая от Золы, когда та заторопилась к хуверу, запорошенному землей, как будто теперь находиться рядом с ней было то же самое, что находиться непосредственно рядом с Его Императорским Высочеством.

– Не знаю, – отозвалась Зола, открывая верхний люк хувера и закрепляя его в этом положении. – Нам повезло, его еще не распотрошили.

Ико откатилась подальше от Золы.

– Он был достаточно вежлив, чтобы не сказать, что у нее на лбу огромное масляное пятно.

Пиона ахнула:

– Не-ет! Не может быть!

– Может. Я механик. Я пачкаюсь в масле. А если ему надо было, чтобы к его приходу все было вылизано, стоило сообщить заранее. Ико, мне бы не помешало здесь немного света.

Ико вытянула шею и наклонила голову, освещая двигательный отсек.

Стоя рядом с Золой, Пиона щелкнула языком.

– Может, он решил, что это родимое пятно?

– Спасибо, теперь я чувствую себя еще лучше.

Зола извлекла из сумки плоскогубцы. Ночное небо над ними было чистым, и, хотя городские огни затмевали любые звезды, острый серп луны маячил над горизонтом, как будто сонное око щурилось сквозь туман.

– Он и в жизни такой же красивый, как показывают?

– Да, – сказала Ико. – Даже красивее. И ужасно высокий.

– Тебе все высокие. – Пиона прислонилась к переднему бамперу, сложив руки на груди. – А я хочу знать, что скажет Зола.

Одного воспоминания об улыбке принца, такой естественной, оказалось достаточно, чтобы Зола перестала щелкать плоскогубцами вокруг двигателя. Хотя принц Кай уже лет сто был излюбленной темой Пионы – она, наверное, даже состояла в одной из его виртуальных фан-групп, – Золе и в голову прийти не могло, что однажды она сможет разделить восторги

Пионы. На самом деле она считала это непомерное увлечение знаменитостями чем-то… ну, глупым, подростковым, что ли. Принц Кай это, принц Кай то. Невозможные фантазии.

Но сейчас…

Что-то в лице Золы, должно быть, и впрямь выдавало ее мысли, потому что Пиона внезапно завопила и, бросившись к Золе, обвила ее руками, не переставая при этом подскакивать на месте:

– Я знала! Знала, что тебе он тоже понравится! Поверить не могу, что ты его на самом деле встретила! Это нечестно. Я уже говорила, что ненавижу тебя?

– Да, да, я в курсе, – сказала Зола, высвобождаясь из объятий, – а теперь иди и верещи от восторга где-нибудь еще – я пытаюсь поработать.

Пиона скорчила рожу и поскакала прочь, петляя между кучами мусора.

– Что еще было? Расскажи мне все! Что он говорил? Что он делал?

– Ничего, – сказала Зола, – он просто попросил меня починить его андроида. – Она смела паутину с того, что некогда было солнечными батареями, но сейчас от них осталась только пластиковая скорлупа. Облако пыли взметнулось и попало ей прямо в лицо. – Зола отскочила, закашлявшись. – Храповик?..

Ико отцепила храповик от металлического торса и протянула Золе.

– И какой у него андроид? – спросила Пиона.

Зола отвинтила отверткой генератор отсека и положила его на землю рядом с хувером.

– Старый, – отозвалась Зола.

– Наставник восемь-шесть, – сказала Ико. – Старше, чем я. И он сказал, что зайдет за ним на рынок в следующие выходные.

Пиона пинком отшвырнула с дороги ржавую канистру и нависла над двигателем и Золой:

– В новостях сказали, в связи со вспышкой болезни в следующие выходные рынок будет закрыт.

– Ох… я об этом не слышала. – Зола вытерла руки о штаны и склонилась над нижним отсеком двигателя. – Тогда, думаю, придется отнести его во дворец.

– Да! – Пиона скакала на месте. – Мы пойдем вместе, и ты меня представишь, и…

– Вот он! Магбелт.

Пиона подперла щеку ладонью и возвысила голос.

– …и тогда он узнает меня на балу и пригласит танцевать – и Перл позеленеет от злости! – Пиона рассмеялась, как будто злить старшую сестру было величайшей целью ее жизни.

– Если только я вообще успею починить андроида до бала, – заметила Зола.

– Я хочу пойти на бал, – сказала Ико, глядя куда-то вверх, на линию горизонта. – Это все предрассудки – не пускать андроидов на бал.

– Тогда подай петицию в правительство, раз так. Уверена, Пиона почтет за честь передать твое обращение принцу лично в руки. – Зола легонько постучала Ико по круглой голове – та обернулась, и свет снова стал падать внутрь старого механизма. – Вот теперь постой спокойно. Еще чуть-чуть, и я отсоединю его с этой стороны.

Зола прицепила отвертку к Ико, вырвала магбелт из скобы и позволила ему упасть на землю.

– С одной стороной покончили, можем приступать к другой. – Зола обошла хувер, расчищая тропинку от мусора, чтобы в нем не увязли гусеницы Ико.

Пиона не отставала, она забралась на багажник хувера и уселась, подтянув под себя ноги.

– Знаешь, кое-кто говорит, что на балу он будет выбирать невесту…

– Невесту! – повторила за Пионой Ико. – Как романтично!

Зола уже легла на бок под задним бампером хувера и отстегнула маленький фонарик от пояса с инструментами:

– Дай-ка мне еще раз эту отвертку?..

– Ты что, не слышала, Зола? Я сказала, невесту. То есть после она станет принцессой.

– Только никакого после не будет. Ему всего сколько? Девятнадцать?

Зажав фонарик в зубах, Зола взяла отвертку у Ико. Винты в днище были не такими ржавыми – их защищал багажник, – и, чтобы ослабить их, хватило нескольких поворотов отвертки.

– Восемнадцать с половиной, – сказала Пиона. – И это правда. Перейди по любой ссылке в сети!

Зола застонала.

– Я бы тут же вышла за принца Кая!

– И я! – сказала Ико.

Зола выплюнула фонарик и перебралась к последнему углу днища с отверткой:

– Да, вы обе и еще каждая девочка в Содружестве.

– Как будто ты – нет, – сказала Пиона.

Зола ничего не ответила, ослабляя последний винт, на котором держался магбелт. Магбелт со стуком упал на землю.

– Всё, идем.

Она выскользнула из-под хувера и убрала фонарик и отвертку в карман пояса с инструментами, прежде чем встать.

– Поищем другие хуверы, которые стоило бы распотрошить, пока мы здесь? – Зола вытянула магбелт из-под хувера и сложила – теперь он хотя бы был не таким громоздким.

– Я тут кое-что видела неподалеку, – сказала Ико, поводя световым лучом среди груд мусора. – Не уверена, что за модель…

– Здорово. Веди. – И Зола слегка подтолкнула ее магбелтом. Ико сдвинулась с места, что-то бормоча на тему того, почему они должны блуждать по свалке, в то время как Адри сидит дома в чистоте и уюте.

– И потом, – сказала Пиона, спрыгивая с багажника, – слух о том, что он будет выбирать невесту на балу, куда лучше того, что говорят другие слухи.

– Дай-ка я угадаю. Принц Кай на самом деле марсианин?.. Или нет, нет, у него есть внебрачный ребенок от эскорт-дроида?..

– У эскорт-дроидов могут быть дети?

– Нет.

Пиона выдохнула, заодно сдувая прядь со лба.

– Хотя, по-моему, то, что говорят, еще хуже. Говорят, что он женится на, – она понизила голос до шепота, – королеве Леване.

– Королеве… – Зола замерла на месте и прихлопнула рот ладонью в перчатке, оглядываясь, как если бы кто-то мог прятаться среди груд мусора и подслушивать. Наконец она отняла руку ото рта, но продолжала говорить очень тихо. – Честное слово, Пиона, у тебя от этих глянцевых журналов скоро мозги протухнут.

– Я и сама не хочу им верить, но об этом пишут везде. Что этот чертов посланник королевы поэтому и остается при дворе. И это позволит сохранить коалицию… Это все вопросы политики.

– Я так не думаю. Он никогда на ней не женится.

– Ты этого не знаешь.

Но она знала. Зола могла многого не знать о межгалактической политике, но она знала, что надо быть совсем дураком, чтобы жениться на королеве Леване.

Зола бросила взгляд на бледную луну, и ее руки покрылись гусиной кожей. Луна всегда вселяла в нее параноидальный страх, как будто тем, кто жил на Луне, было ее видно, а слишком долгий взгляд вверх способен привлечь их внимание. Суеверная ерунда, но тогда все о лунатиках было суеверием – по-настоящему жутким суеверием. Лунатики были потомками колонии землян, высадившихся на Луне несколько веков назад, но сами они больше не были

людьми. Говорили, что они способны обмануть человеческое сознание – заставить увидеть и почувствовать то, чего нет на самом деле, вынудить совершить то, чего ты на самом деле совершать не хочешь. Эта противоестественная способность превратила их в жадную и жестокую расу, но королева Левана была худшей из всех.

Ей было ведомо, когда люди говорили о ней – находись они даже за многие мили. Даже здесь, на Земле.

Говорили, что она убила свою старшую сестру, королеву Ченнэри, чтобы занять ее трон. Избавилась от мужа, чтобы иметь возможность составить более выгодную партию. Заставила свою падчерицу изуродовать себе лицо, потому что в нежном возрасте тринадцати лет та стала слишком прекрасна, чтобы королева могла с ней соперничать.

Говорили, что она убила и свою племянницу – единственную угрозу трону. Принцессе Селене было всего три, когда детскую охватило пламя, в котором она и погибла вместе со своей нянькой.

Были сторонники тайной теории, утверждавшей, что принцесса выжила – и теперь скрывается и ждет своего часа, чтобы вернуть себе корону и положить конец тирании королевы Леваны, но Зола знала, что настоящим источником этих слухов было отчаяние. В конце концов, на пожарище обнаружили следы детской плоти.

– Здесь. – Ико подняла руку и постучала обо что-то металлическое, горой возвышающееся над грудами мусора. Зола была потрясена. Она отмела ненужные мысли прочь. Принц Кай никогда не женится на этой ведьме. Он не может жениться на лунатике. Зола отодвинула несколько покореженных канистр из-под аэрозоля и старый матрац в сторону, прежде чем смогла ясно разглядеть хувер.

– Глаз-алмаз!

Вместе они убрали с дороги изрядную гору барахла, и теперь передняя часть механизма была на виду.

– Я никогда не видела таких вживую, – сказала Зола, проводя рукой по изъеденному временем хрому номерных знаков.

– Отвратно, – Пиона усмехнулась, – какой кошмарный цвет.

– Должно быть, он действительно старый. – Зола отыскала фиксатор и потянула на себя капот, открывая. Она заморгала и отступила на шаг от открывшейся ее взору мешанины металла и пластмассы. – По-настоящему старый. – Она попыталась заглянуть в передний угол двигательного отсека, но шасси скрывали крепления магбелта. – Уф. Посветишь сюда, ладно?

Зола склонилась над грязными внутренностями капота. Она потуже забрала волосы в хвост, прежде чем нырнуть под хувер, отпихивая кучу запасных частей, однажды брошенных ржаветь в траве под ним.

– Звезды, – пробормотала Зола, когда ей удалось заглянуть в механическое чрево. Свет фонарика Ико пробивался сверху сквозь путаницу проводов и кабелей, через каналы и коллекторы, гайки и болты. – Это настоящая древность.

– Эта твоя древность стоит на кладбище старых автомобилей.

– Я серьезно. Я ничего подобного вблизи в жизни не видела. – Она пробежалась пальцами вдоль кабеля с резиновой изоляцией.

Свет метался взад и вперед – Ико осматривала двигатель сверху.

– Какие-нибудь полезные части?

– Хороший вопрос.

Поле зрения Золы слегка окрасилось в синий, когда сознание подключилось к сети.

– Можешь считать идентификационный номер с ветрового стекла?

Пиона диктовала цифру за цифрой, и Зола отыскивала номер в сети; проекция загружалась – на это требовались минуты, и перед Золой, прямо на поверхности нависшего над ней двигателя, возникало изображение.

– Кажется, он и впрямь почти не поврежден, – пробормотала она, пробегаясь пальцами по связке проводов у себя над головой. Она следовала взглядом за пальцами, поворачивая голову, чтобы лучше рассмотреть механизм – от шлангов до шкива и осей, пытаясь представить, как все это когда-то выглядело. Как все это работало. – Он такой классный.

– Скучища, – сказала Пиона.

Вздыхая, Зола принялась искать магбелт на проекции, но система мигнула зеленым, выдавая сообщение об ошибке. Тогда Зола запросила просто «магнитный», а потом «ремень», и в конце концов поиск принес результаты. На проекции высветилась какая-то резинка, намотанная вокруг деталей в металлических кожухах, – и эта резинка называлась почему-то «пояс синхронизации». Нахмурившись, Зола нащупала болты и шайбы, на которых резинка крепилась к двигательному отсеку. Она думала, что пояса синхронизации не использовались с тех самых пор, как внутреннее сгорание было признано устаревшим.

Задыхаясь, она вытягивала шею в сторону.

В глубокой тени, под днищем механизма, что-то было, и это что-то крепилось к днищу. Колесо.

– Это не хувер. Это автомобиль. Автомобиль, который работает от бензина.

– Серьезно? – сказала Пиона. – Я думала, что настоящие автомобили должны быть… Ну, не знаю. Шикарными.

Зола почувствовала, как в ней вспыхнуло негодование.

– У него есть свой характер, – ответила она.

– Так, – сказала Ико секунду спустя, – и что, это значит, что мы не можем разобрать его на запчасти?

Игнорируя ее, Зола с жадностью сканировала проекцию. Масляное панорамирование, топливные инжекторы, выхлопные трубы.

– Это вторая эра.

– Чудненько, – отозвалась Пиона. – Нет!

Внезапно она взвизгнула, отскакивая прочь от автомобиля. Зола так резко дернулась, что ударилась головой о переднюю подвеску.

– Пиона, что такое?

– Крыса! Только что выскочила из окна! Большая, жирная, волосатая. Ох, силы небесные.

Издав стон, Зола снова откинула голову назад, в грязь, и принялась массировать лоб. Два раза удариться головой за один день… Если и дальше так пойдет, придется вдобавок к стопе покупать новую панель управления.

– Она, должно быть, сидела в обивке. А мы ее испугали.

– Это мы ее испугали? – У Пионы дрожал голос. – Может, мы пойдем? Пожалуйста.

Зола вздохнула:

– Отлично.

Свернув проекцию, она вылезла из-под автомобиля, ухватившись за протянутые ей навстречу руки Ико.

– Я думала, что все сохранившиеся бензиновые автомобили в музеях, – сказала она, вынимая паутину из волос.

– Не уверена, что назвала бы это словом «сохранившиеся», – заметила Ико, ее датчик потемнел от отвращения. – Это больше похоже на гниющую тыкву.

Зола резко захлопнула капот, и андроида окутало внушительное облако пыли.

– Кто-то говорил о живом воображении? Немного внимания и хороший уход – и эта машина засияет в своей былой славе.

Она ласково погладила капот. Корпус автомобиля в форме купола был выкрашен в желто-оранжевый цвет, выглядевший болезненно в свете датчика Ико – такой цвет никто бы сейчас не выбрал, но на этой машине старинной формы он выглядел почти чарующе. В пустующих

гнездах, где раньше были фары, скопилась ржавчина, на крыле красовалась вмятина. Одно из задних стекол отсутствовало, но обивка кресел практически не пострадала, даром что была покрыта плесенью и кое-где продрана, и, вероятно, служила пристанищем множеству грызунов. Руль и навигатор, казалось, все эти годы оставались практически неподвластными времени.

– Возможно, именно на этом автомобиле мы могли бы совершить побег.

Пиона вглядывалась внутрь через пассажирское окно.

– Побег? От чего?

– От Адри. От всего Нового Пекина. Мы вообще могли бы уехать за пределы Содружества. Могли бы отправиться в Европу!

Зола обогнула автомобиль и, оказавшись со стороны водительского окна, принялась счищать перчаткой грязь со стекла. Внутри она увидела три педали в полу. Хотя все хуверы управлялись компьютером, Зола достаточно читала о старых технологиях, чтобы знать, что такое сцепление, и даже примерно представляла, как с ним управляться.

– В этой груде металлолома мы не добрались бы даже до границы города, – сказала Пиона.

Отступая назад, Зола вытирала руки. Возможно, они правы. Возможно, в этом автомобиле не было ничего фантастического; возможно, он вовсе не был ключом к спасению, но однажды, каким угодно способом, она покинет Новый Пекин. Отыщет место, где никто не будет знать, кто она такая – или что она такое.

– Плюс мы не сможем достать бензин, – продолжала Ико, – даже если мы продадим твою стопу, нам все равно не хватит топлива, чтобы выбраться отсюда. Плюс штраф за загрязнение окружающей среды. Плюс я ни за что не сяду внутрь. Может быть, под этими сиденьями десятилетиями жили крысы.

Пиона поежилась:

– Брр.

– Ладно, – засмеялась Зола, – так и быть, не стану заставлять вас тащить эту штуковину домой.

– Уф, а то я уж забеспокоилась, – отозвалась Пиона. Она улыбнулась, ведь на самом деле и не думала беспокоиться, и отбросила выбившийся локон за плечо.

Взгляд Золы остановился на чем-то странном – она заметила темное пятно ниже ключицы Пионы; из-под ворота рубашки была видна только его часть.

– Не двигайся, – сказала она, бросаясь вперед.

Пиона, наоборот, метнулась назад, в панике стряхивая воображаемую паутину с груди:

– Что? Что там? Жук? Или паук?

– Я сказала, не двигайся! – Зола схватила Пиону за запястье, взглянула на пятно – и застыла. Уронив руку Пионы, она отшатнулась назад.

– Да что там? Что? – Пиона рванула рубашку вверх, стараясь разглядеть то, чего там не было, и в этот момент Зола увидела у Пионы еще одно пятно на тыльной стороне руки.

Она подняла глаза на Золу, у которой кровь отлила от лица.

– С… сыпь? Из-за автомобиля?..

Зола сглотнула и приблизилась к ней нетвердыми шагами, сдерживая дыхание. Она снова протянула руку к ключице Пионы и потянула ткань рубашки вниз, оголив все пятно целиком. В лунном свете было хорошо видно красное пятнышко, окаймленное бордовым.

Пальцы у нее дрожали. Она отдернула руку, встретив взгляд Пионы.

Пиона закричала.

Глава 5

Вопли Пионы заполнили кладбище старых автомобилей, они просачивались в трещины сломанных машин и устаревших компьютеров. Слуховой интерфейс не мог защитить Золу от пронзительных воспоминаний – она, казалось, продолжала слышать крик, даже когда вопль Пионы затих и та зашлась в беззвучной истерике.

Зола сдерживала дрожь. Она оцепенела, не способная сдвинуться с места, разрываемая противоположными желаниями: одна ее часть жаждала утешить, успокоить Пиону, вторая – убежать прочь.

Как такое было возможно?

Пиона была молодой, здоровой. Она не могла заболеть.

Пиона кричала, снова и снова дотрагиваясь до пятен на коже. А Зола… В дело вступила сеть, как и всегда в те моменты, когда Зола была неспособна думать самостоятельно. Заработал поисковик, включилось соединение – и передало Золе информацию, которую она не хотела знать. Летумозис. Голубая лихорадка. Глобальная эпидемия. Сотни тысяч умерших. Неизвестна причина, неизвестно лекарство.

– Пиона…

Она инстинктивно шагнула вперед, но Пиона резко отступила назад, с силой прижимая ладони к своим мокрым щекам и носу:

– Не подходи ко мне! Ты заразишься! Вы все заразитесь!

Зола отдернула руку. Ей было слышно, как жужжит вентилятор Ико, стоящей в стороне. Голубой луч датчика метался по кладбищу старых автомобилей, не останавливаясь на Пионе. Луч подрагивал, мерцал. Ико была в ужасе.

– Я сказала, отойди! – закричала Пиона, падая на колени и обхватывая живот.

Зола отступила на два шага назад и остановилась, глядя, как Пиона раскачивается взад-вперед в неверном свете датчика Ико.

– Я… я должна вызвать хувер чрезвычайного реагирования, чтобы…

Чтобы они забрали тебя.

Пиона не отвечала. Ее всю трясло. Золе было слышно, как стучат ее зубы в промежутках между воплями.

Зола дрожала. Она ощупывала руки в поисках пятен. Ничего не нашла, но с недоверием смотрела на перчатку на левой руке, не желая снимать ее, не желая проверять.

Она снова сделала шаг назад. Ее обступили тени кладбища старых автомобилей. Чума. Она была здесь. Была в воздухе. Была в кучах мусора. Как скоро проявляются первые симптомы?

Или…

Она подумала о Чан Саче на рынке. Охваченная ужасом толпа, бегущая прочь от ее палатки. Вой сирен.

Внутри что-то резко оборвалось.

Что, если это ее вина? Что, если это она принесла чуму домой с рынка?

Она снова проверила руки, сметая невидимых жучков, которые будто бы ползли по ее коже. Отшатнулась еще дальше. Рыдания Пионы, казалось, заполнили ее голову и не давали дышать.

Красный предупреждающий сигнал на сетчатке сообщил о повышении уровня адреналина в крови. Она сморгнула, красный сигнал исчез; запросила соединение с сетью – и отправила короткое сообщение прежде, чем успела подумать.

Чрезвычайное происшествие. Свалка в районе Тайхан. Летумозис.

Она стиснула зубы, ощущая мучительную сухость в глазах. Пульсирующая головная боль подсказала, что сейчас она должна рыдать, всхлипывая вместе с сестрой.

– За что? – запинающимся голосом спросила Пиона. – Что я сделала?

– Ты ничего не сделала, – сказала Зола. – Это не твоя вина.

Зато вполне может быть, что моя.

– Что мне делать? – спросила Ико так тихо, что ее было едва слышно.

– Я не знаю, – ответила Зола. – Хувер уже в пути.

Пиона вытерла нос о предплечье. Глаза у нее покраснели.

– Вам н-надо идти. Иначе вы тоже ее подцепите.

Зола почувствовала головокружение и осознала, что все это время не дышала в полную силу. Она отступила еще на шаг, прежде чем набрать полные легкие воздуха.

– Может быть, я уже подцепила. Может быть, это моя вина, что ты заразилась. Эта вспышка сегодня на рынке… Я не думаю, что я была достаточно близко, но… Пиона… Прости.

Пиона снова зажмурилась и спрятала лицо. Ее каштановые волосы спутались, пряди в беспорядке спадали на плечи; сейчас они контрастировали с побледневшим лицом. Она еще раз икнула; еще раз всхлипнула.

– Я не хочу идти.

– Я знаю.

Это было все, что она могла сказать. Не бойся? Все будет хорошо? Она не могла лгать – по крайней мере не сейчас, когда ложь была так очевидна.

– Я бы хотела… – Она замолчала. Она услышала сирены раньше, чем Пиона. – Прости.

Пиона вытерла нос рукавом, оставив на нем склизкий след, и продолжила рыдать. Она не отвечала до тех пор, пока вой сирен не достиг ее слуха. Вскинув голову, она вглядывалась в даль, туда, где за кучами мусора был вход на свалку. Круглые глаза. Дрожащие губы. Лицо в красных пятнах.

Сердце у Золы сжалось.

Она ощущала себя абсолютно беспомощной. Если ей суждено было заболеть, она уже заболела.

Она рухнула на колени, обняв Пиону обеими руками. Пояс с инструментами впился ей в бедро, но она это едва заметила – Пиона вцепилась в ее футболку, разрыдавшись с новой силой.

– Прости.

– Что ты собираешься сказать маме и Перл?

Зола закусила губу:

– Я не знаю.

И затем:

– Правду, я думаю.

Она почувствовала вкус желчи во рту. Может быть, это знак. Может быть, нелады с желудком – это симптом болезни. Она посмотрела на руку, которой прижимала Пиону к себе. Все еще никаких пятен.

Пиона оттолкнула ее прочь и отшатнулась назад, в грязь.

– Отойди! Может быть, ты еще не заболела. Но они и тебя заберут. Тебе надо уйти отсюда.

Зола колебалась. Она услышала хруст шагов по алюминию и пластмассе. Она не хотела оставлять Пиону одну, но что, если она действительно еще не заразилась?

Она села на пятки, затем встала на ноги. Желтые огни приближались к ним из полной теней темноты.

Правая рука в перчатке вспотела. Дыхание снова стало поверхностным.

– Пиона…

– Уходи! Уходи отсюда!

Зола отступила назад. Назад. Едва ли имело смысл останавливаться, чтобы поднять свернутый магбелт. Она двигалась к выходу, чувствуя, что человеческие части ее тела находятся в таком же оцепенении, как протезы. Рыдания Пионы неслись ей вслед.

Три белых андроида встретили ее за углом.

У них были желтые датчики, на головах красовались красные кресты; между ними, покачиваясь, ехала каталка – они толкали ее с двух сторон.

– Вы – жертва летумозиса? – спросил один из них невыразительным голосом.

Зола спрятала запястье.

– Нет. Моя сестра, Пиона Линь. Она там… идите налево.

Медроиды с каталкой пошли прочь от нее, вниз по тропинке.

Оставшийся медроид спросил:

– Был ли у вас прямой контакт с зараженным в последние двенадцать часов?

Зола открыла рот, колеблясь. Вина и страх скрутили ей внутренности.

Она могла солгать. Сейчас не было никаких доказательств, что она уже заразилась, но, если они заберут ее в карантин, у нее не останется ни малейшего шанса выжить.

Но если она пойдет домой, она может заразить всех. Адри. Перл. Всех этих детей, которые с визгом и смехом носятся в коридоре.

Она едва могла расслышать свой голос:

– Да.

– У вас наблюдаются признаки?

– Н-нет. Я чувствую какую-то странную легкость, но… – она заставила себя замолчать.

Медроид приблизился к ней, его гусеницы скрежетали по грязной земле. Зола отшатнулась от него, но он ничего не сказал, только медленно приближался, пока лодыжки Золы не прижались к гниющему ящику. В одной руке медроид держал ID-сканер, и тут из его туловища появилась третья рука – на месте клешней был шприц.

Зола дрожала, но не сопротивлялась – медроид уже обхватил ее правое запястье и ввел шприц. Она дрожала, глядя, как темная жидкость, почти черная в свете желтого датчика, втягивалась в шприц. Она не боялась игл, но мир начал крениться. Медроид вынул иглу как раз вовремя – в следующий миг она осела на ящик.

– Что вы делаете? – прошептала она.

– Произвожу забор крови для исследования на предмет содержания болезнетворных микроорганизмов летумозиса.

Зола услышала, как внутри андроида запускаются какие-то механизмы; их запуск сопровождался еле слышными звуковыми сигналами. Датчик андроида потускнел, когда энергия распределилась между несколькими процессами.

Зола задержала дыхание, пока ее панель управления не включилась, заставив легкие сократиться.

– ID, – сказал андроид, протягивая ей сканер. Красноватый свет пробежал по ее запястью, и сканер пискнул. Андроид отдернул сканер и спрятал его в полом туловище.

Она думала, сколько времени займет исследование ее крови, чтобы подтвердить, что она переносчик и это она виновата. Во всем.

Звук гусениц, ползущих по тропинке, приближался. Зола повернула голову – это возвращались два андроида с каталкой, на которой теперь сидела Пиона. Она обхватила колени руками. Взгляд широко распахнутых глаз дико метался по кладбищу старых автомобилей, словно пытаясь отыскать путь к бегству. Как будто она завязла в ночном кошмаре.

Но она не пыталась бежать. Никто никогда не пытался сопротивляться, когда его забирали в карантин.

Их взгляды встретились. Зола открыла рот, но не смогла издать ни звука. Глазами она пыталась умолять о прощении.

Слабая-слабая улыбка тронула губы Пионы. Она подняла руку и помахала одними пальцами.

Зола помахала в ответ, зная, что на месте Пионы должна была быть она.

Однажды она уже выжила, перехитрив судьбу. Это ее должны были увозить сейчас. Это она должна была умереть. Она. Это все должно было случиться с ней.

Она попыталась сказать Пионе, что пойдет следом за ней. Что та не одна. Но тут андроид подал звуковой сигнал.

– Сканирование завершено. Болезнетворные микроорганизмы летумозиса не обнаружены. Прошедший проверку должен соблюдать дистанцию не менее пятидесяти футов от зараженного.

Зола моргнула. Облегчение и страх перекрутились у нее внутри.

Она не больна. Она не умрет.

Не пойдет с Пионой.

– Мы будем сообщать вам о последующих стадиях заболевания Пионы Линь. Благодарим за сотрудничество.

Зола обхватила себя руками, глядя, как Пиона по-младенчески свернулась на каталке, когда ее увозили прочь.

Глава 6

Зола крадучись шла сквозь пряную ночь; звук шагов по бетону отдавался, как будто обе ее подошвы были из стали. Для Золы пустынная ночь была соткана из звуков: вот гусеницы Ико, похрустывая, ползут по песку; потрескивает над ними масляная лампа уличного фонаря; слышится непрерывный гул сверхпроводника под улицей. Болт в лодыжке Золы звякает при каждом шаге. И все это меркнет и блекнет по сравнению с картинкой, которая крутится в голове.

Иногда ее интерфейс проделывал такие штуки – записывал моменты, когда эмоции были особенно сильны, и воспроизводил их снова и снова. Как дежавю – или как бывало, когда разговор окончен, но последнее слово еще долго висит в воздухе после того, как наступила тишина. Обычно ей удавалось остановить эту закольцованную память прежде, чем это сведет ее с ума, но сегодня вечером у нее просто не было на это сил.

Черная точка на коже Пионы. Ее крик. Шприц медроида – игла воткнута в локоть Золы, вверх по шприцу поднимается ее кровь. Пиона, маленькая и дрожащая, на каталке. Уже умирающая.

Она остановилась, прижав руки к животу, когда к горлу подкатила тошнота. Ико, ехавшая на несколько шагов впереди, остановилась, посветив на искаженное лицо Золы:

– Ты в порядке?

Свет пробежал вдоль всего тела Золы – и она была уверена, что Ико искала похожие на синяки пятна, хотя медроид и сказал, что она не заразилась.

Вместо ответа Зола стянула перчатки и сунула их в задний карман. Слабость проходила; она прислонилась плечом к уличному фонарю и сделала глоток влажного воздуха. Они почти пришли. Здание башни Феникса – на следующем углу; только верхняя его часть была видна в слабом свете месяца, остальная скрыта в тени. Окна черны за исключением нескольких, в которых горит свет, да еще тех, которые отражают голубоватый свет нетскринов. Зола посчитала этажи, отыскивая окна кухни и спальни Адри.

Свет, хотя и слабый, все еще горел где-то в недрах квартиры. Адри не была совой, но, возможно, она заметила, что Пионы еще нет дома. Или, может быть, не спала Перл – трудилась над каким-нибудь школьным проектом или посылала сообщения друзьям глубоко в ночи.

Может, это и к лучшему. По крайней мере, ей не придется их будить.

– И что я собираюсь им сказать?

Свет датчика Ико на миг скользнул по зданию, затем опустился на землю, выхватывая из темноты разномастный мусор, валяющийся вдоль тротуара.

Зола вытерла вспотевшую ладонь о штаны и заставила себя двигаться вперед. Но как она ни старалась, она не могла найти нужных слов. Объяснения, оправдания. Как сказать женщине, что ее дочь умирает?

Она с размаху приложила к кодовому замку свой ID и на этот раз вошла с главного входа. Серый холл, единственным украшением которого был нетскрин с объявлениями для жильцов – повышение квартплаты, петиция о новом ID-сканере в парадной двери, объявление о пропавшей кошке. Потом в лифт, громыхавший старыми механизмами. Коридор был пуст, не считая человека из квартиры 1807, который прилег прямо на пороге своего дома. Золе пришлось убрать с прохода его руку, чтобы Ико не проехала прямо по ней. До Золы донеслось тяжелое дыхание и запах рисового вина.

С колотящимся сердцем она медлила перед квартирой 1820. Она не могла вспомнить, когда видео с Пионой прекратило повторяться в ее голове, – все затмило нервное напряжение.

Что она собиралась сказать?

Зола закусила губу и задержала запястье перед сканером. Свет крошечного датчика сменился зеленым. Она открыла дверь настолько спокойно, насколько могла.

Яркий свет из гостиной лился в прихожую. Зола мельком увидела экран – он транслировал произошедшее сегодня на рынке: языки пламени охватывали ларек булочницы снова и снова. Звук был выключен.

Зола вошла было в комнату, но остановилась, сделав полшага. Ико врезалась ей в ногу.

Из центра комнаты на нее смотрели три андроида с красными крестами на круглых головах. Медроиды чрезвычайного реагирования.

Позади них Адри в шелковом банном халате стояла напротив фальшивого камина, хотя сейчас голографическое пламя было выключено. Перл была все еще полностью одета и сидела на диване, подтянув колени к подбородку. Обе прижимали к носам сухие тряпки для мытья посуды и следили за Золой со смесью страха и отвращения.

У Золы скрутило живот. Она отступила на полшага назад, в прихожую, пытаясь понять, кто из них заразился, но быстро осознала, что ни одна из них не могла быть больна. Медроиды забрали бы их немедленно. Они не защищали бы нос и рот. Все здание было бы в строгом карантине.

Она заметила тоненькую полоску бинта на локте у Адри. Их уже проверили.

Зола опустила свою курьерскую сумку на пол, но не выпустила из рук магбелт.

Адри прочистила горло и опустила тряпку от носа к груди. При слабом освещении она была похожа на скелет – мучнистая кожа, выступающие кости. Без макияжа были видны темные круги под налитыми кровью глазами. Она плакала, но теперь ее губы сжались в жесткую линию.

– Я получила сообщение час назад, – сказала она, когда в комнате повисла ледяная тишина. – Мне сообщили, что Пиону обнаружили на свалке в районе Тайхан и забрали в… – Ее голос прервался. Она опустила глаза. Когда она снова подняла их, ее взгляд сверкал: – Но тебе это уже известно, не так ли?

Зола отступила в сторону, пытаясь не смотреть на медроидов. Не дожидаясь ответа Золы, Адри сказала:

– Ико, можешь начать избавляться от вещей Пионы. Все, что она надевала за последнюю неделю, – на выброс, но вынеси это на улицу сама. Я не хочу, чтобы это забивало мусоропровод. Остальное, думаю, можно продать на рынке, – она говорила резко и уверенно, как будто этот список дел она повторяла про себя с того самого момента, как получила сообщение.

– Да, Линь-цзе, – сказала Ико, откатываясь обратно в прихожую. Зола осталась стоять, застыв, обеими руками держа магбелт, как щит. Хотя андроид не мог проигнорировать команду Адри, по тому, как медлительно Ико исполняла ее приказ, было ясно – она не хочет оставлять Золу в одиночестве, под взглядами пустых желтых датчиков медроидов.

– Как вышло, что моя младшая дочь оказалась этим вечером на Кладбище старых автомобилей?

Зола выставила магбелт пред собой – от плеча до кончиков носков. Он был из той же стали, что и ее рука, и почти так же потускнел; сейчас он казался ей продолжением ее самой. Язык распух, горло сжималось.

– Мне так жаль. Я не… я увидела черные точки и вызвала хувер чрезвычайного реагирования.

Я не знала, что делать.

Глаза Адри на краткий миг наполнились слезами, но она тут же их сморгнула. Она уронила голову, уставившись на скрученную ткань. Обмякла у каминной доски.

– Я не была уверена, что ты вернешься сюда, Зола. Я ожидала в любую минуту получить еще одно сообщение – о том, что и мою подопечную забрали в карантин. – Адри отвела плечи

назад, подняла взгляд. Слабость прошла, взгляд темных глаз стал тверже. – Эти медроиды уже проверили меня и Перл. Ни на одну из нас чума не распространилась.

Зола начала кивать с облегчением, но Адри продолжала:

– Скажи мне, Зола. Если ни у меня, ни у Перл ничего не нашли, где Пиона могла подхватить заразу?

– Я не знаю.

– Не знаешь? Но ты знала о вспышке сегодня на рынке.

У Золы приоткрылся рот. Ну, конечно. Тряпки. Медроиды. Они думали, что она заразилась.

– Я не могу понять, Зола. Как ты могла быть такой эгоисткой.

Она мотнула головой: нет!

– Они и меня проверили – там же, на свалке.

У меня ничего нет.

Она вытянула руку, демонстрируя порез на внутреннем сгибе локтя.

– Они могут еще раз проверить, если хотят.

Один из медроидов впервые подал признаки жизни, посветив на маленькую красную точку, где белая игла недавно проколола кожу. Но они не двигались, и Адри не подгоняла их. Вместо этого она сосредоточилась на фотографии в рамке на каминной доске, затерявшейся среди детских фотографий Перл и Пионы. Фотографий, сделанных, когда они жили в прежнем доме, с садом. Фотографий самой Адри до того, как она перестала улыбаться. Фотографий с их отцом.

– Мне так жаль, – сказала Зола. – Я тоже ее люблю.

Адри коснулась рамки.

– Не оскорбляй меня, – сказала она, подвинув рамку поближе к себе. – Ты… ты и тебе подобные, вы хоть знаете, что такое любовь? Вы можете чувствовать хоть что-нибудь, или это просто… программа?

Она говорила сама с собой, но ее слова больно ранили. Зола осмелилась взглянуть на Перл, которая все еще сидела на диване, наполовину спрятав лицо в колени, но уже не прижимала тряпку к лицу. Заметив взгляд Золы, она уставилась в пол.

Зола перехватила поудобнее магбелт.

– Разумеется, я знаю, что такое любовь.

И печаль. Если бы она могла расплакаться прямо сейчас, в доказательство своих слов!..

– Хорошо. Тогда ты поймешь, что я делаю ровно то, что сделала бы любая мать, чтобы защитить своих детей.

Адри положила фото на каминную полку изображением вниз. Перл, не вставая, отвернулась, прижавшись щекой к коленям.

Страх снова начал скручивать Золе живот.

– Адри?

– Вот уже пять лет, как ты стала частью этого дома, Зола. Пять лет, как Гаран оставил мне тебя. Я до сих пор не знаю, что его заставило, до сих пор не знаю, почему он чувствовал себя обязанным путешествовать по Европе, по всей Европе – и все ради чего… Ради того, чтобы найти какого-то… мутанта и взвалить на себя заботу о нем. Он никогда не объяснял мне. Может быть, однажды он объяснил бы. Но мне ты никогда не была нужна. Ты это знаешь.

Зола закусила губу. На нее смотрели медроиды с пустыми лицами.

Да, она знала. Но не думала, что Адри когда-нибудь выскажется так ясно.

– Гаран хотел, чтобы о тебе позаботились, – и я делала все, что в моих силах. Даже когда он погиб, даже когда закончились деньги, даже когда… все развалилось.

Голос Адри надломился, и она прижала ладонь ко рту. Зола видела, как дрожат ее плечи, слышала прерывистые вдохи, когда Адри пыталась подавить рыдания.

– Но Гаран был бы со мной согласен. Пиона важнее. Наши девочки важнее.

Зола попыталась что-то сказать тонким от напряжения голосом. Она слышала в словах Адри попытку оправдаться. И решимость.

Ее передернуло:

– Адри…

– Если бы не ты, Гаран был бы все еще жив!

И Пиона…

– Я не виновата!

Зола заметила белую вспышку, увидела, как Ико нерешительно мнется в прихожей. Ее датчик практически почернел.

Зола пыталась что-то сказать. Чувствовала бешеное биение пульса; перед глазами плыли белые точки. В углу зрения замерцал красный огонек – предупреждение: программа рекомендует успокоиться.

– Я не просила, чтобы со мной сделали это! Не просила меня удочерять – ни вас, ни кого бы то ни было! Я не виновата!

– Я тоже! – Адри внезапно обрушила удар на экран, одним взмахов выбив его из скоб-держателей; тот упал и разбился, увлекая с собой две пластинки – свидетельства достижений ее мужа. Куски пластика рикошетом отскакивали от рваного ковра.

Зола отшатнулась назад, но приступ ярости прошел так же быстро, как и появился. Нервное дыхание Адри уже замедлялось. Она так ревностно старалась никогда не причинять беспокойство соседям. Быть незаметной. Не устраивать беспорядка. Не делать ничего, что могло бы бросить тень на их репутацию. Даже сейчас.

– Зола, – сказала она, вытирая пальцы тряпкой. – Ты пойдешь с этими медроидами. Не устраивай сцену.

Пол под ногами у Золы закачался.

– Что? Зачем?

– Потому что это наш долг – сделать все, что мы можем, а ты знаешь, как высок спрос на… тебе подобных. Особенно сейчас. – Она прервалась. Ее лицо пошло красными пятнами. – Мы все еще можем помочь Пионе. Им просто нужны киборги, чтобы найти лекарство.

– Вы записали меня в волонтеры для исследований чумы? – Язык ей повиновался с трудом.

– А что еще я должна была сделать?

У Золы отвисла челюсть. Она оторопело помотала головой, а три желтых датчика сфокусировались на ней.

– Но… после исследований никто не выживает. Как вы могли…

– Никто не выживает после чумы. Если Пиона тебе так небезразлична, как ты заявляешь, ты сделаешь, как я сказала. Если бы ты не была такой эгоисткой, ты бы сама записалась в волонтеры, как только вышла с рынка сегодня днем, прежде чем прийти сюда и разрушить мою семью. Во второй раз.

– Но…

– Заберите ее. Она ваша.

Зола была слишком ошеломлена, чтобы двигаться, когда ближайший к ней андроид поднял сканер к ее запястью. Сканер издал писк и снова втянулся.

– Линь Зола, – сказал металлический голос, – вашей добровольной жертвой восхищаются все жители Восточного Содружества. Она будет оценена по достоинству. Вашим близким будет выплачена компенсация в знак благодарности за ваш вклад в наши исследования.

Ее пальцы с силой сжали магбелт.

– Нет, вот в чем все дело! Вам плевать на Пиону, плевать на меня, вам просто нужна эта идиотская компенсация!

Глаза Адри расширились, на висках запульсировали жилки – их было хорошо видно под кожей, туго обтягивающей череп.

Она в два шага пересекла комнату и хлестнула Золу по лицу. Зола упала у дверей и прижала ладонь к щеке.

– Заберите ее, – сказала Адри. – Заберите ее прочь с глаз моих!

– Я не записывалась в волонтеры! Вы не можете забрать меня против воли!

Андроид был невозмутим.

– Ваш официальный опекун уполномочил нас взять вас под надзор, если потребуется, с применением силы.

Зола сжала пальцы, прикрыв голову рукой.

– Нет! Вы не можете заставить меня быть под-опытным кроликом.

– Да, – сказала Адри. – Могу, пока ты находишься под моей опекой.

– Вы и не думаете, что это может спасти Пиону, так что не притворяйтесь, что это ради нее! У нее в запасе дни. И шансы найти вакцину до того, как…

– Значит, моя единственная ошибка в том, что я ждала так долго, прежде чем избавиться от тебя. – Адри теребила в руках. – Поверь мне, Зола, ты – жертва, о которой я никогда не буду сожалеть.

Гусеницы одного из медроидов зашуршали по ковру.

– Вы готовы следовать за нами?

Зола сжала губы и убрала руку от лица. Бросила взгляд на Адри, но в глазах ее мачехи не было ни тени сочувствия. И Зола почувствовала, как в ней закипает какая-то новая ненависть.

– Нет. Не готова.

Она размахнулась и с силой ударила магбелтом по черепу первого андроида. Робот упал на пол; гусеницы продолжали двигаться в воздухе.

– Я не пойду! Ученые и так достаточно сотворили со мной!

К ней катился следующий андроид:

– Процедура двести сорок В: принудительное сопровождение киборга, подлежащего рекрутскому набору.

Зола презрительно ухмыльнулась и ударила концом магбелта в сенсор андроида, разбив линзу и опрокинув его на спину.

Она развернулась и оказалась лицом к лицу с третьим андроидом, уже прокручивая в мыслях, как выбежит из квартиры. Думая, не слишком ли опасно вызывать хувер. Прикидывая, где достать нож, чтобы вырезать ID-чип из запястья – с чипом они выследят ее, сомневаться не приходится. Гадая, достаточно ли быстро может передвигаться Ико, чтобы следовать за ней. И хватит ли ей сил всю дорогу до Европы проделать на своих ногах.

Медроид приближался слишком быстро. Она запнулась, пытаясь изменить траекторию магбелта, но металлические клещи медроида уже обхватили ее запястье. Выстрелили электроды. Слишком сильное напряжение для ее проводов. Ее рот раскрылся, но крик прилип к гортани.

Она уронила магбелт и отключилась. Красные предупреждающие сигналы мигали перед глазами до тех пор, пока мозг, повинуясь инстинкту самосохранения, как у всех киборгов, не заставил ее замолчать.

Глава 7

Доктор Дмитрий Эрланд провел пальцем по портативному экрану, изучая историю пациента. Мужчина. Тридцать два года. У него был ребенок, но никакого упоминания о супруге. Безработный. Стал киборгом три года назад в ходе лечения после несчастного случая на производстве. Несомненно, большую часть сбережений пришлось потратить на операцию. Он проделал долгий путь из самого Токио.

Слишком многое говорило против его кандидатуры – и этого доктор Эрланд не мог объяснить никому. Зажав язык между зубами, доктор издал губами не вполне пристойный звук, выражая разочарование.

– Что вы думаете, доктор? – спросила сегодняшняя ассистентка, темнокожая девушка, имя которой он никак не мог запомнить и которая была выше доктора на четыре дюйма как минимум. Ему нравилось давать ей задания, которые заставляли ее работать сидя.

Доктор Эрланд медленно наполнил легкие, потом резко выдохнул и сменил данные на экране диаграммой соотношения тела пациента. Шесть целых четыре десятых процента были искусственными – правая ступня, немного проводки, и контрольная панель размером с ноготь большого пальца, вживленная в бедро.

– Слишком старый, – сказал он, бросая порт на стойку перед окном наблюдения. По ту сторону стекла лежал пациент. Он казался спокойным – только пальцы выбивали безумную дробь по пластиковым подушкам. Он был босиком, но протезы были покрыты кожей.

– Слишком старый? – переспросила ассистентка. Она встала и подошла к стеклу, взмахнув портскрином в сторону доктора. – Теперь тридцать два – это слишком старый?

– Мы не можем его использовать.

Она сложила губы в трубочку и скривила рот.

– Доктор, это будет уже шестой доброволец за месяц, от которого вы отказываетесь. Мы не можем себе позволить продолжать в том же духе.

– У него есть ребенок. Сын. О чем прямо здесь и написано.

– Да, ребенок, которому будет чем поужинать, потому что его папочке посчастливилось соответствовать нашим требованиям.

– Соответствовать? С соотношением шесть целых и две десятых процента?

– Это лучше, чем ставить опыты на людях. – Она уронила портскрин рядом с подносом с чашками Петри. – Вы действительно собираетесь его отпустить?

Доктор Эрланд заглянул в палату карантина, издав тихий гортанный стон. Расправил плечи и надел лабораторный халат.

– Введите ему плацебо.

– Пла… Но он же не болен!

– Да, но если мы ничего ему не введем, у казначейства могут возникнуть вопросы, чем мы тут занимаемся. А теперь введите ему плацебо и составьте отчет, а он может быть свободен.

Девушка фыркнула и подошла к полке, чтобы взять с нее подписанную пробирку.

– И чем же мы тут занимаемся?

Доктор Эрланд поднял палец, но девушка посмотрела на него с таким раздражением, что он забыл, что хотел сказать.

– Напомните, как вас зовут?

Она закатила глаза:

– Вот уж действительно. Я всего-то навсего вам ассистирую каждый понедельник последние четыре месяца.

Она крутанулась, повернувшись к нему спиной, длинная черная коса взлетела и хлестнула ее по бедру. Брови доктора Эрланда сошлись в одну линию – он уставился на косу, глядя,

как та жалит сама себя, закручиваясь в кольцо. Как блестящая черная змея поднимает голову. Шипит на него. Готовится к броску.

Доктор резко закрыл глаза и сосчитал до десяти. Когда он открыл их вновь, коса была просто косой. Блестящими черными волосами. Безобидными.

Стянув шляпу, доктор быстро провел по своим волосам – седым и ощутимо менее густым, чем у ассистентки. Видения становились все хуже.

Дверь лаборатории открылась.

– Доктор?

Он вздрогнул и снова надел шляпу.

– Да? – отозвался он и взял портскрин. Ли, еще один ассистент, стоял в дверях, держась за дверную ручку. Доктору всегда нравился Ли – тоже высокий, но не настолько, как девушка.

– Доброволец ожидает в комнате 6Д, – сказал Ли. – Тот, которого привезли прошлой ночью.

– Доброволец? – сказала девушка. – Давно их у нас не было.

Ли вынул портскрин из нагрудного кармана.

– Тоже молодая, подросток. Мы еще не проводили диагностику, но, похоже, процент соотношения будет высоким. Искусственных кожных покровов нет.

Доктор Эрланд оживился и поскреб висок уголком портскрина.

– Девочка-подросток, говорите? Как… – Доктор замялся, подбирая подходящее слово. *Повезло? Совпало? Удачно?*

– Как подозрительно, – тихо сказала девушка.

Доктор обернулся и увидел, что она зло смотрит на него:

– Подозрительно? И что же вы хотите этим сказать?

Она оперлась о край стойки, став ниже, так что теперь их глаза были вровень, но выглядела она по-прежнему угрожающе – руки сложены на груди, и по глазам ясно, что слова доктора не произвели на нее никакого впечатления.

– Всего лишь то, что вы всегда более чем готовы ввести плацебо мужчинам-киборгам, которые к нам попадают, но стоит вам услышать краем уха о девушке, особенно о молоденькой, глаза так и горят.

Он открыл рот, закрыл, потом начал заново.

– Чем моложе, тем здоровее, – сказал он. – Чем здоровее, тем меньше сложностей у нас возникнет. И не я виноват, что жребий выпадает девушкам.

– Меньше сложностей. Верно. В любом случае им придется умереть.

– Что ж. Благодарю вас за оптимизм. – Он жестом указал на мужчину по ту сторону стекла. – Введите ему плацебо, пожалуйста. И присоединитесь к нам, когда закончите.

Доктор вышел из лаборатории вместе с Ли и прикрыл лот ладонью:

– Напомните мне еще раз, как ее зовут?

– Фатин?

– Фатин! Никак не могу запомнить. В один из таких дней я забуду, как меня самого зовут.

Ли издал смешок, и доктор Эрланд был рад, что все свел к шутке.

Казалось, люди не обращали внимания, что старик выживает из ума, если его самого не слишком это беспокоило.

Коридор был пуст, если не считать двух медроидов, замерших у лестницы в ожидании распоряжений. До лаборатории 6Д было недалеко.

Доктор Эрланд вытащил из-за уха стилус и постучал по портскрину, загружая информацию, которую переслал ему Ли. На экране всплыл профайл нового пациента.

ЛИНЬ ЗОЛА, ДИПЛОМИРОВАННЫЙ МЕХАНИК
ID #0097917305
РОД. 29 НОЯ 109 Т.Э.

0 СООТВЕТСТВИЙ В МЕДИА
РЕЗИДЕНТ НОВОГО ПЕКИНА, ВОСТОЧНОЕ СОДРУЖЕСТВО
НАХОДИТСЯ ПОД ОПЕКОЙ ЛИНЬ АДРИ

Ли открыл дверь в лабораторию. Заложив стилус за ухо, доктор вошел, нервно постукивая пальцами.

Девушка лежала на столе по ту сторону окна наблюдения. Стерильная палата карантина была так ярко освещена, что ему пришлось прищуриться. Медроид как раз закрывал пластиковую пробирку, наполненную кровью, чтобы опустить ее на конвейер и отправить в лабораторию крови.

Руки и запястья девушки были пристегнуты металлическими ремнями. Левая рука была стальной, потертой, с потемневшими суставами, как будто нуждалась в хорошей чистке. Штанины были закатаны до голеней, открывая взору одну настоящую ногу и одну искусственную.

– К ней уже подключились? – спросил доктор, опуская портскрин в карман.

– Еще нет, – отозвался Ли. – Но вы посмотрите на нее.

Доктор Эрланд застонал, подавляя разочарование.

– Да, процент соотношения будет внушительным. Но не самого лучшего качества, верно?

– Может, с виду и не очень, но видели бы вы ее проводку. Автоконтроль и четырехуровневая нервная система.

Доктор Эрланд вскинул бровь – и тут же ее опустил.

– Она оказала сопротивление?

– Медроидам было непросто ее доставить. Она отключила двоих… магбелтом или чем-то вроде, прежде чем удалось парализовать ее систему. Она всю ночь без сознания.

– Но она записалась в добровольцы?

– Ее официальный опекун записал. Она подозревает, что наша новая пациентка уже контактировала с заболевшим. С сестрой – ее вчера привезли.

Доктор потянул на себя микрофон с другого края стола.

– Просыпайся, просыпайся, спящая красавица, – пропел он, легко постукивая по стеклу.

– Ее оглушили зарядом в двести вольт, – сообщил Ли, – но я думаю, она придет в себя с минуты на минуту.

Доктор Эрланд заложил в карманы большие пальцы.

– Что ж. Нам не нужно ее сознание. Давайте приступим.

– О, замечательно, – сказала Фатин, появляясь в дверном проеме. – Рада, что вы нашли кого-то, кто в вашем вкусе.

Доктор Эрланд прижал палец к стеклу.

– Молодая, – сказал он, глядя на металлическую обшивку стопы и кисти девушки. – Здоровая.

С гадкой ухмылкой Фатин заняла кресло перед нетскрином, на котором отображалась история киборга.

– Если тридцать два – это старый и дряхлый, то что тогда говорить о вас, а, старик?

– О, я крайне ценен на рынке антиквариата. – Доктор Эрланд наклонился к микрофону. – Мед? Подготовь, пожалуйста, детектор соотношения.

Глава 8

Она лежала на погребальном костре, спиной на горячих углях. Огонь. Дым. На коже вскипают волдыри. Ее стопа и кисть исчезли, оставив обрубки там, где когда-то их вживили хирурги. Из обрубков свисают мертвые провода. Она попыталась ползти, но была беспомощна, как перевернувшаяся черепаха. Она выбросила вперед здоровую руку, пытаясь оттащить свое тело от огня, но угли повсюду, куда ни глянь, до самого горизонта.

Она уже видела этот сон раньше – сотни раз. Однако сейчас сон изменился.

Обычно в этом сне она была одна. Теперь же ее окружали другие покалеченные жертвы – они корчились среди углей, стонали, умоляли дать воды. У всех отсутствовали какие-нибудь конечности. От некоторых остались только торс и голова – и рот, раскрытый в бесконечной мольбе. Зола скорчилась, пытаясь защититься от них – она заметила голубые пятна на их коже. На шеях, на обрубках бедер, на ссохшихся запястьях.

Она увидела Пиону. Пиона обвиняла Золу. Это из-за нее она заразилась. Это Зола принесла чуму в их дом. Это все ее вина.

Зола открыла рот, чтобы умолять о прощении, но осеклась, увидев свою здоровую руку. Ее кожа была покрыта голубыми пятнами.

От жара зараженная кожа начала плавиться, обнажая металл и провода под слоем плоти.

Она снова встретила взгляд Пионы, но голос сестры звучал как-то странно, слишком глубоко.

– Подготовь, пожалуйста, детектор соотношения.

Слова зажужжали, как пчелы, в ушах Золы. Ее тело тряслось, но она не могла двигаться. Руки и ноги слишком отяжелели. Запах дыма все еще оставался в ноздрях, но пламя затихало, оставляя после себя только ожоги на спине. Пиона растаяла. Растаяла и яма, наполненная углями.

По нижнему краю поля зрения побежала, прокручивалась, зеленая строка.

Сквозь темноту Зола услышала знакомый звук – стрекотали гусеницы андроида. Ико?..

ДИАГНОСТИКА ЗАВЕРШЕНА. ВСЕ СИСТЕМЫ СТАБИЛИЗИРОВАНЫ. ПЕРЕЗАГРУЗКА ЧЕРЕЗ 3… 2… 1…

Над головой раздался какой-то щелчок. Зажужжало электричество. Зола почувствовала, как у нее дергается палец – едва ли не большее, на что сейчас было способно ее тело.

Тьма начала теплеть, где-то вспыхнул свет, сквозь веки он казался малиновым.

Зола заставила себя открыть глаза, щурясь в резком свете люминисцентов.

– О! Джульетта просыпается.

Она снова закрыла глаза, чтобы дать им привыкнуть к яркому свету. Она попыталась поднять руку, чтобы прикрыть глаза, но что-то ее не пускало.

Нервы пронзила паника. Она снова открыла глаза и повернула голову, силясь разглядеть говорившего.

Стена была зеркальной. На нее дикими глазами смотрело ее собственное лицо. Хвостик растрепался, спутанные волосы уныло свисали и явно нуждались в мытье. Кожа была слишком бледной, почти просвечивала, как если бы напряжение последних часов высосало из нее энергии больше, чем у нее на самом деле было.

С нее сняли перчатки и ботинки и закатали штанины. В зеркале она видела не девочку – механизм.

– Как вы себя чувствуете, мисс… эээ… Линь? – спросил бестелесный голос с акцентом, происхождение которого она не смогла определить. Европейский? Американский?

Она облизала запекшиеся губы и вытянула шею, чтобы посмотреть на андроида, стоявшего за ней. Он управлял каким-то аппаратом, стоявшим на стойке среди другой аппаратуры. Медицинское оборудование. Хирургические игрушки. Капельницы. Зубцы.

Зола осознала, что она подсоединена к одному из аппаратов проводами, отходящими от ее подбородка и лба.

На стене справа от нее висел нетскрин, отображавший ее личные данные: имя, идентификационный номер. Кроме нее самой и андроида, в комнате никого не было.

– Если вы будете сохранять спокойствие и окажете содействие, мы не займем у вас много времени, – сказал голос.

Зола нахмурилась.

– Очень смешно, – сказала она, распластанная под металлическими полосками ремней-фиксаторов. – Я на это не подписывалась. Не записывалась в добровольцы на ваши дурацкие тесты.

Тишина. Что-то запищало у нее за спиной. Оглянувшись, она увидела, что андроид вытягивает из аппарата два зубца, прикрепленные к проводам. Вверх по позвоночнику пополз холодок.

– Держите эту штуку от меня подальше!

– Это совершенно безболезненно, мисс Линь.

– Мне все равно. Убирайтесь из моей головы.

Я не ваш лемминг-доброволец.

Голос хмыкнул:

– У меня есть подпись от мисс Линь Адри. Вы, вероятно, знакомы.

– Она не моя мать! Она всего лишь…

– Ваш официальный опекун?

Зола тяжело уронила голову на кушетку. Тонкая бумага под ней помялась.

– Это неправильно.

– Не волнуйтесь, мисс Линь. Своим пребыванием здесь вы оказываете своим соотечественникам неоценимую услугу.

Она уставилась в зеркало, надеясь, что смотрит на говорящего по ту сторону стены.

– Да ну? А они что-нибудь когда-нибудь сделали для меня?

Вместо ответа голос просто сказал:

– Мед, пожалуйста, продолжай.

Зола рванулась прочь, едва не свернув шею в попытке избежать холодных зубцов, но андроид уже схватил ее голову с безразличной механической силой и прижал правую щеку к бумажной простыне. Она пыталась извернуться, дергая руками и ногами, но все было бесполезно.

Возможно, если бы она сопротивлялась сильней, они бы вырубили ее снова. Она не была уверена, будет это лучше или хуже, но воспоминание о яме пылающих углей заставило ее прекратить сопротивление.

Ее сердце бешено колотилось, когда андроид открыл щиток у нее на затылке. Она закрыла глаза, пытаясь представить себя где угодно еще, только не в этой холодной стерильной комнате. Она не хотела думать о двух металлических зубцах, которые вставляли в ее контрольную панель – ее мозг, – но об этом нельзя было не думать, она слышала, как это происходит.

Тошнота. Она сглотнула желчь.

Она услышала щелчок зубцов. Она не могла ничего почувствовать – там не было нервных окончаний. Но дрожь, кажется, раздирала ее, заставляя руки покрываться гусиной кожей. Дисплей сетчатки известил ее, что теперь она подключена к детектору соотношения 2.3: СКАНИРОВАНИЕ… 2 %… 7 %… 16 %…

Аппарат жужжал на столе рядом с ней. Зола представила тонкий поток электричества, скользящего по ее проводам. Сильнее всего это чувствовалось там, где кожа соединялась с металлом, – как покалывание в тех местах, где прекращался кровоток.

63 %…

Зола стиснула зубы. Кто-то уже побывал до этого в ее голове. Факт, о котором она никогда не забывала – и всегда игнорировала. Какой-то хирург, какие-то незнакомые люди, которые открыли ее черепную коробку и вставили эту искусственную систему из проводов и проводников, пока она лежала, беспомощная, распластанная перед ними. Кто-то подменил ее мозг. Кто-то подменил ее.

78 %…

Она захлебнулась криком, который рвался выплеснуться из нее.

Это было безболезненно. Безболезненно. Но кто-то находился в ее голове. Внутри нее. Вторжение. Насилие. Она попыталась дернуться в сторону, но андроид твердо держал ее.

– Убирайтесь! – Крик эхом вернулся к ней, отразившись от холодных стен.

СКАНИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО.

Медроид отсоединил зубцы. Зола лежала, дрожа, ее сердце колотилось так, что, казалось, готово вот-вот разбиться о грудную клетку.

Медроид не обеспокоился тем, чтобы закрыть щиток у нее на затылке.

Зола ненавидела все это. Ненавидела Адри. Ненавидела безумный голос за зеркалом. Ненавидела неизвестных людей, превративших ее в это.

– Спасибо за достойное звезд сотрудничество, – сказал бестелесный голос. – Запись вашего кибернетического состава займет несколько минут, а затем мы продолжим. Пожалуйста, устраивайтесь поудобней.

Зола проигнорировала его и отвернулась от зеркала.

Это был один из тех редких моментов, когда она радовалась, что у нее нет слезных каналов, иначе – она была уверена – разревелась бы, шмыгая носом, и возненавидела бы себя за это еще больше.

Ей были слышны голоса, но они бормотали на каком-то своем профессиональном жаргоне ученых, которого она не понимала. Медроид суетился позади нее, убирая детектор соотношения. Готовя ее для следующего орудия пытки.

Зола открыла глаза. Нетскрин на стене изменился, он больше не показывал данных о ее жизни. Ее идентификационный номер все еще значился вверху экрана, озаглавливая голографическую диаграмму.

Диаграмму девочки.

Девочки, полной проводов.

Это выглядело, как если бы кто-то рассек ее посередине, разделив переднюю и заднюю части, и поместил картинку в медицинский учебник. Ее сердце, ее мозг, ее кишечник, ее мышцы, ее голубые вены. Ее панель управления, ее искусственные рука и нога, провода, которые проходят от черепа по позвоночнику к протезам. Шрамы там, где плоть переходит в металл. Маленькие темные квадратики в запястьях – чипы с идентификационным номером.

Но это она и так знала. Этого она ожидала.

Она не знала о металлических позвонках в позвоночнике, четырех металлических ребрах, не знала о синтетической ткани вокруг сердца и о металлических пластинах вдоль костей в правой ноге.

Внизу экрана значилось:

СООТНОШЕНИЕ: 36,28%

На 36,28 процента она не была человеком.

– Благодарю вас за терпение. – Внезапно зазвучавший вновь голос шокировал ее. – Вы, как вы, несомненно, и сами уже заметили, образцовая модель современной науки, юная леди.

– Оставьте меня, – прошептала она.

– Сейчас произойдет следующее. Медроид введет вам раствор, на десять процентов состоящий из возбудителей летумозиса, – произнес голос. – Они магнитно маркированы, так что вы сможете наблюдать их на голографической диаграмме в реальном времени в виде зеленых точек. Как только ваше тело войдет в первую стадию заболевания, в игру вступит ваша иммунная система и попытается уничтожить микробы, но потерпит неудачу. Тогда ваше тело вступит во вторую стадию болезни, которая начинается, когда мы видим синие пятна на вашей коже, похожие на ушибы. На этой стадии мы введем вам раствор с последней партией антител, которые в случае, если наши разработки были успешны, полностью остановят возбудителей. Абракадабра – и вы поспеете домой как раз вовремя для клецек. Вы готовы?

Зола пристально посмотрела на голограмму и представила, как наблюдает собственную смерть. В реальном времени.

– Сколько разных антител вы тестировали?

– Мед?..

– Двадцать семь, – сказал медроид.

– Но, – продолжил голос с акцентом, – каждый раз они гибнут чуть медленнее.

Пальцы Золы смяли бумажную простыню.

– Я думаю, что мы все готовы. Мед, продолжай. Шприц А.

Какая-то возня, звон и стук на столе – и вот медроид оказался позади нее. Обшивка его торса открылась, обнажив третью руку, которая заканчивалась шприцом, как у андроидов чрезвычайного реагирования.

Зола попыталась увернуться, но ей некуда было деваться.

Представив, как бестелесный голос по ту сторону зеркала наблюдает за ней и смеется, видя ее бесполезное сопротивление, она застыла и изо всех сил постаралась лежать спокойно. Быть сильной. Не думать о том, что они с ней делают.

Она почувствовала, какие холодные у андроида пальцы-зубцы, когда он взял ее за локоть – на нем все еще не зажили следы уколов: у нее дважды брали кровь за последние двенадцать часов. Она скорчилась, так что мышцы туго обтянули кости.

– В вену легче попасть, если вы расслаблены, – сказал андроид гулким голосом.

Зола напрягла мышцы руки так, что рука начала трястись. Кто-то из докторов фыркнул – как будто бесплотный голос веселили ее кривлянья.

Андроид был хорошо запрограммирован. Вопреки ее мятежу игла нашла и проколола вену с первого раза. Зола задохнулась.

Укол. Просто укол. Воля к сопротивлению исчезла, как только прозрачная жидкость влилась в кровь.

Книга вторая

Вечером, когда она уставала от работы, ей приходилось ложиться спать не в постель, а на полу, рядом с печкой, на золе.

Глава 9

– Успешная передача возбудителей, – сказал Ли. – Все реакции нормальные. Кровяное давление стабилизируется. Признаки второй стадии ожидаются завтра, в районе десяти утра. – Он хлопнул в ладоши и развернулся на стуле лицом к доктору Эрланду и Фатин. – Значит, мы можем отправляться по домам и хорошенько вздремнуть, верно?

Доктор Эрланд шмыгнул носом. Он вел пальцем по экрану, медленно поворачивая голографическое изображение пациента. Двадцать маленьких зеленых огоньков двигались по кровотоку, медленно распространяясь по венам. Но он видел это раньше десятки раз. Сейчас его больше занимала искусственная часть пациента.

– Вы когда-нибудь раньше видели что-то подобное? – сказала Фатин, устраиваясь рядом с ним. – Денег с продажи лишь одной панели управления хватит, чтобы покрыть компенсацию семье.

Доктор Эрланд постарался посмотреть на нее с безразличием, но ничего не вышло, стоило ему только поднять голову, чтобы взглянуть на Фатин. Зарычав, он резко отвернулся и возвратился к голограмме. Он постучал по верхушке позвоночника, где соединялась пара металлических позвонков, и увеличил изображение. То, что до сих пор казалось маленькой тенью, сейчас выглядело слишком вещественным, слишком геометрическим.

Фатин скрестила руки и наклонилась:

– Что это?

– Я не уверен, – сказал доктор Эрланд, поворачивая изображение для лучшего обзора.

– Выглядит, как чип, – сказал Ли, вставая, чтобы присоединиться к ним.

– В позвоночнике? – спросила Фатин. – Какой ей от этого толк?

– Я просто сказал, как это выглядит. Или, может быть, они напортачили с позвоночником и пришлось что-то заново сваривать, например.

– Это не просто сварной шов. – Фатин указала на изображение: – Смотрите, вот здесь гребни, как будто он вживлен прямо в… – Она колебалась.

Оба – и Фатин и Ли – обернулись к доктору Эрланду, который следил за маленьким зеленым огоньком, только что появившимся в поле зрения.

– Как маленький вредоносный светлячок, – пробормотал доктор, разговаривая сам с собой.

– Доктор, – сказала Фатин, снова привлекая его внимание, – почему у нее чип вживлен в нервную систему?

Доктор откашлялся.

– Возможно, – сказал он, вынимая очки из нагрудного кармана и плавно водружая их на нос, – ее нервная система была травмирована.

– Из-за несчастного случая с хувером? – удивился Ли.

– Повреждения спинного мозга были частым явлением до того, как управление хувером было полностью передано компьютерным навигаторам. – Доктор поскреб ногтем по экрану, разворачивая голограмму так, чтобы на ней был виден весь торс. Он прищурился, глядя сквозь линзы очков на экран, его пальцы порхали по изображению.

– Что вы ищете? – спросила Фатин.

Доктор Эрланд уронил его руку и взглянул на неподвижную девочку по ту сторону окна.

– Чего-то не хватает.

Шрам вокруг запястья. Унылый блеск искусственной ноги. Грязь под ногтями.

– Чего? – спросил Ли. – Чего не хватает?

Доктор Эрланд шагнул поближе к окну и вспотевшей ладонью оперся о стойку.

– Маленького зеленого светлячка.

Ли и Фатин обменялись взглядами у него за спиной, прежде чем вернуться к голограмме. Они начали считать – он про себя, она вслух, и Фатин, охнув, остановилась на номере двенадцать.

– Один только что исчез, – сказала она, указывая на пустую точку на правом бедре девочки. – Возбудитель, он только что был здесь, я смотрела прямо на него, а теперь он исчез.

Пока они смотрели на экран, еще две точки вспыхнули и исчезли.

Ли схватил свой портскрин со стола и приготовился печатать.

– Ее иммунная система просто взбесилась, – сказал он, наклоняясь к микрофону.

– Мед, пожалуйста, возьмите у нее второй образец крови. Быстро.

Девочка вздрогнула от звука его голоса.

Фатин встала рядом с ним у окна.

– Мы еще не вводили ей антидот, – сказала она.

– Нет, – подтвердил Ли.

– Так как же…

Доктор Эрланд прикусил ноготь большого пальца, чтобы унять головокружение.

– Тогда идите и принесите мне первый образец крови, – сказал он, пятясь и почти боясь отвести взгляд от девочки-киборга. – Когда все микробы исчезнут, переведите ее в лабораторию четыре.

– Лаборатория четыре не предназначена для карантина, – сказал Ли.

– Неважно. Она не будет заразной. – Доктор Эрланд щелкнул пальцами на полпути к двери. – И, наверное, пусть Мед ее развяжет.

– Развяжет? – Лицо Фатин искривилось от изумления. – Вы уверены, что это хорошая идея? Она была в ярости, когда медроиды пришли за ней, помните?

Ли сложил руки на груди:

– Она права. Не хотел бы я оказаться с той стороны стены, когда она разозлится.

– В таком случае вам нечего опасаться, – сказал доктор Эрланд. – Я встречусь с ней один.

Глава 10

Зола вздрогнула, когда таинственный голос снова наполнил комнату, требуя новой порции крови от жертвенного ягненка. Она взглянула в зеркало, не обращая внимания на медроида, который готовил очередную иглу с механической точностью.

Она сглотнула, смачивая горло.

– Когда мне введут антидот?

Она подождала, но ответа не последовало. Андроид сжал металлические пальцы вокруг ее руки. Она вздрогнула от холода, затем игла снова проткнула воспаленную кожу на сгибе локтя.

Теперь след останется на несколько дней.

Потом она вспомнила, что завтра она будет мертва. Или будет умирать.

Как Пиона.

Ее желудок сжался. Может быть, Адри была права. Может быть, это и к лучшему.

Дрожь пробежала по ее телу. Металлическая нога тяжело лязгнула о полоски-фиксаторы.

А может быть, и нет. Может быть, антидот сработает.

Она вдохнула, наполнив легкие прохладным стерильным воздухом лаборатории, и стала разглядывать голограмму, изображавшую ее. Две зеленые точки плавно перемещались по правой ноге.

Медроид вынул иглу и приложил ватный тампон, чтобы остановить кровотечение. Пузырек с ее кровью он поставил в металлическую коробочку, прикрепленную к стене.

Зола с силой ударила головой о каталку.

– Я задала вам вопрос. Антидот. Когда? Вы же собираетесь, по крайней мере, попытаться спасти мою жизнь, верно?

– Мед, – произнес новый голос, женский. Зола снова повернула голову, чтобы опять увидеть в зеркале только себя. – Отсоедините пациента от аппарата мониторинга и сопроводите в лабораторию четыре D.

Зола вцепилась пальцами в бумажную простыню. Что еще за лаборатория 4D? Специальное место, где наблюдают, как вы умираете?

Андроид захлопнул панель управления у нее на затылке и отсоединил датчики от груди. Кардиограмма вытянулась в прямую.

– Эй, – сказала Зола. – Можете объяснить мне, что происходит?

Никакого ответа. Зеленый свет мигнул за датчиком андроида, и открылась дверь в коридор, выложенный белым кафелем.

Медроид катил каталку мимо зеркала, прочь из комнаты.

В коридоре было пусто и пахло хлоркой. Одно из колес каталки время от времени скрипело. Зола подняла голову и вытянула шею, но не смогла встретиться взглядом с датчиком андроида.

– Думаю, у меня в голени есть немного масла, так что, если хотите, я могла бы починить колесо, – сказала она.

Андроид по-прежнему молчал.

Зола сжала губы. Пронумерованные белые двери скользили мимо них.

– Что такое лаборатория четыре D?

Молчание.

Зола барабанила пальцами, слушая шелест мнущейся бумаги и скрип колеса, который, она была уверена, скоро доведет ее до нервного тика. Она уловила звук голосов где-то далеко, в конце другого коридора, и почти готова была услышать крики, доносившиеся из-за дверей.

Тогда одна из дверей открылась, и они въехали внутрь мимо черной таблички «4D». Комната была точной копией предыдущей, не хватало только зеркала.

На каталке Золу подкатили к еще одному столу для осмотра – на нем лежали знакомые пары ботинок и перчаток.

Затем, к удивлению Золы, раздался свист – ремни-фиксаторы разжались, освободив ее. Она выдернула руки и ноги из колец металла раньше, чем андроид мог бы осознать, что допустил ошибку, и связать ее снова, но андроид никак не отреагировал – просто молча отступил в коридор. Дверь за ним с лязгом закрылась.

Дрожа, Зола села и оглядела комнату в поисках скрытых камер, но ничего не бросалось в глаза. На стойке вдоль стены – электрокардиограф и детектор соотношения, как и в той, прежней комнате. Справа – нетскрин с пустым экраном. Дверь. Два медицинских стола. И она сама.

Она свесила ноги с каталки и схватила перчатки и ботинки. Зашнуровывая ботинок, она вспомнила об инструментах, которые спрятала внутри протеза, когда уходила со свалки – сейчас казалось, это было целую вечность назад. Она открыла обшивку – и с облегчением обнаружила инструменты на прежнем месте; их никто не забрал. Дыхание постепенно выровнялось; прежде чем закрыть обшивку и дошнуровать ботинок, она вытащила самое тяжелое, что было, – гаечный ключ.

С протезами, скрытыми от посторонних глаз, и с оружием в руке она почувствовала себя лучше. Все еще напряженной, но не такой уязвимой, как раньше.

Сбитой с толку более чем когда-либо.

Зачем они вернули ей вещи, если все равно убьют ее? Зачем перевели ее в другую лабораторию?

Она потерла след от уколов на сгибе локтя прохладным гаечным ключом. След выглядел почти как чумное пятно. Она нажала на него большим пальцем, радуясь тупой боли, которая доказывала, что это просто след от уколов.

Она вновь оглядела комнату в поисках камеры, почти ожидая, что комнату наводнит небольшая армия медроидов – раньше, чем она успеет уничтожить все лабораторное оборудование. Но никто не появлялся. В коридоре не было слышно звука шагов.

Плавно спустившись с каталки, Зола подошла к двери и попробовала ручку. Закрыто. В рамке был ID-сканер, но он замигал красным, когда она поднесла к нему запястье с чипом – видимо, он был запрограммирован на доступ только для персонала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.